

A woman with long brown hair, wearing a tan coat, is sitting on a low wall and looking off to the side. In the background, a large Ferris wheel is visible at night, illuminated with warm lights. The sky is a mix of orange and pink hues.

Эшли ДЬЮАЛ

ОДИНОКИЕ ДУШИ

СВОБОДА, БЕССТРАШИЕ, САМООТВЕРЖЕННОСТЬ

Виноваты звезды

Эшли Дьюал
Одинокие души

«АСТ»

2016

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Дьюал Э.

Одинокие души / Э. Дьюал — «АСТ», 2016 — (Виноваты звезды)

ISBN 978-5-17-101133-8

Лия Бронская вынуждена жить со страшным дефектом сознания. Амнезия беспощадно забирает целый год из памяти девушки: триста шестьдесят пять дней, переполненных какими-то событиями, эмоциями просто-напросто исчезают, оставив после себя лишь пустоту, вопросы и боязнь одиночества. Смирившись с таким тяжелым диагнозом, Лия хочет продолжить жить дальше, хочет стабилизироваться и забыть о потере, но вместо этого она оказывается в эпицентре опасных событий, развернувшихся на окраине её города. Подростковые самоубийства чередой кровавых дат заполняют все таблоиды газет, заголовки журналов. Несмотря на страх, девушке приходится провести собственное расследование, и так как от результатов будет зависеть жизнь её родной сестры, она берется за дело незамедлительно. Вскоре Лия понимает, что раскрытие тайн повлияет на её судьбу гораздо сильнее, чем она могла предположить.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-101133-8

© Дьюал Э., 2016

© АСТ, 2016

Содержание

Глава 1. Начало	7
Глава 2. Адреналин в моей крови	20
Глава 3. Жизнь в стае полна приключений	36
Глава 4. Секреты в моей голове	44
Глава 5. Такая любовь убьёт мир	53
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Эшли Дьюал

Одинокие души

© Эшли Дьюал, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

Свобода, бесстрашие, самоотверженность

*Нет никакого секрета жизни,
Просто продолжай идти.
Нет никакого секрета смерти,
Просто продолжай лететь.*

Глава 1. Начало

Черета подростковых самоубийств

В НОЧЬ СО СРЕДЫ НА ЧЕТВЕРГ найден труп семнадцатилетнего подростка. Тело обнаружил водитель автобуса, проезжая под Центральным мостом в районе восьми-девятого вечера. Григорий Воронцов утверждает, что, когда обнаружил подростка, тот уже был мертв. Судмедэкспертиза подтвердила, что Владимир Ситков скончался на месте. По расположению тела...

Я откладываю газету, не находя сил дочитать до конца. Холод бежит по спине. Вова учился со мной в одном классе. Я неплохо его знала, мы даже пару раз пересекались на общих мероприятиях, и становится жутко не по себе от того, что теперь и его имя числится в списке шестнадцати погибших за последние четыре месяца.

Я встаю из-за стола и иду к себе в комнату.

Несмотря на приближение зимы, дома царит отвратительная жара. Я распахиваю окно и пытаюсь успокоиться. Однако мысли об изуродованном теле Ситкова не покидают меня. Фотография с места преступления стоит перед глазами: его заломленные руки, лужа крови, посиневшее от холода лицо. Я встряхиваю плечами.

– Лия, ты не собираешься с нами? – спрашивает мама, и я испуганно вздрагиваю. Она поднимает перед собой руки. – Прости. Не хотела напугать.

– Не могу... – вижу: мертвое тело Ситкова. Вот он жив, вот – мертв. – Я дома останусь.

– Уверена? Мы достаточно часто общались с матерью Вовы, и было бы неприлично отправиться на похороны без тебя. Он ведь твой одноклассник.

– Уже нет. – От своего же ответа, я пугаюсь. Гляжу на маму и чувствую себя ужасно неловко. – В смысле, – добавляю я, заламывая пальцы. – В смысле мне не по душе идти к Ситковым.

– Страшно?

– Ещё как. До сих пор не могу поверить в то, что он умер.

Мама поджимает губы и понимающе кивает:

– Ты права. Некоторые вещи не поддаются объяснениям. И всё же...

– Нет, – отрезаю я. – Пожалуйста, позволь мне остаться дома. Я не хочу видеть слёзы матери Вовы, не хочу смотреть на его фотографии, не хочу есть остывшую еду и поддерживать разговор с незнакомыми людьми. Это чересчур для меня.

– Ладно, – сдается она. – В таком случае проследи, чтобы твоя сестра вернулась до девяти. Хорошо? Завтра рабочий день, а вам в школу.

Я киваю и смотрю, как мама выходит из комнаты. Вряд ли она знает, что Карина несколько месяцев подряд приходит домой совсем не к девяти. К тому же я всё чаще замечаю отёки, синяки и порезы на её руках, шее, порой даже на лице. Это пугает меня и жутко злит, но, когда я спрашиваю, где она шляется, Карина улыбается и нагло не отвечает, словно в глубине души радуется новой порции ушибов. Утром сестра обычно замазывает синяки дешевым тональным кремом и, не задерживаясь в одной комнате с родителями больше чем на две минуты, убегает в школу.

Иногда мне хочется схватить её за плечи и сильно встряхнуть. Хочется крикнуть: «Что ты творишь? Почему не слушаешь меня, убегаешь из дома? Ведь в нашем районе каждую неделю пропадают или умирают подростки?» Но она не обращает на меня внимания. Это

безумно выводит из себя, потому что я старшая сестра. Я главная, чёрт подери. Но Карина... Видимо, ей наплевать. Совсем наплевать.

Захлопывается входная дверь. Я слежу за тем, как отъезжает машина родителей, и, задержав занавески, решительно выдыхаю. Если сегодня не увижу сестру дома вовремя, придушу её собственными руками.

Затем меня вдруг накрывает странное чувство безысходности. Я ведь догадываюсь, где она и почему на её теле появляются синяки. Но мне не хочется признавать правду. Я упрямо отказываюсь верить в то, что Карина связалась с бандой подростков, которые славятся лишь тем, что у них абсолютно отсутствует чувство страха, совести и морали. Мне противно даже думать о том, что она проводит время с аморальными людьми, с этими животными.

Я протираю руками холодное от пота лицо и неуверенно оседаю на кровати.

Каждый подросток нашего района знает, что, едва наступают сумерки, на улицы выходят *они*.

Банда тинейджеров. Место их гнездования – заброшенный парк аттракционов. Никто точно не знает, что они там делают, чем занимаются, но все уверены: связаться с ними – значит подписать себе смертный приговор. Практически все из числа шестнадцати погибших проводили время с ними, и что теперь? Теперь их тела находят в районе парка и гадают: то ли подростки сошли с ума и решили накладывать на себя руки ради забавы, то ли их убивают, толкая с моста, топя в реке или ставя подножку на железнодорожных путях.

Мне всегда становится плохо, когда я думаю об убийствах, но сейчас всё по-другому. Сейчас речь идет о Карине, поэтому вместо недомогания я чувствую дикую злость. У меня внутри словно разгорается пожар. Я готова сорваться с места, схватить папино ружье и убить каждого, кто попытается причинить ей вред. И мне плевать на последствия. Я ощущаю огромную ответственность и понимаю, что, сидя дома и сложив руки, позволяю Карине сильнее запутываться в сетях этой банды.

Не знаю, сколько проходит времени. Я плаваю в размышлениях несколько минут или часов, но неожиданно мои мысли прерывает звонок в дверь.

– О да. Слава богу! – чеканю я, выбегая из комнаты. Карина вернулась вовремя. Что ж, она спасла жизнь не только себе, но и мне. Замечательная новость. – Клянусь, приди ты ещё минут через десять! – восклицаю я, открываю дверь и вижу на пороге Лёшу.

– Чёрт...

– Чёрт? – удивляется он. – Я так плохо выгляжу?

– Я думала, это Карина, – признаюсь я и пропускаю парня вперед. – Она как всегда задерживается.

– Твоя сестра идиотка. – Он произносит это с явным укором, но я даже не пытаюсь его переубедить. Она идиотка, зачем отрицать? – Ты сказала ей, что те парни опасны?

– Ты же знаешь, что сказала.

– Почему она тогда не дома?

– Откуда мне знать? – Я захопываю дверь и, волнуясь, заправляю за уши непослушные волосы. – Может, они держат её? Может, она не в состоянии уйти?

– Умоляю тебя...

– А что? Что я должна думать?

– То, что Карина попала в плохую компанию.

Лёша – мой единственный и, пожалуй, лучший друг. Все его слова, выводы – мои слова, мои выводы. Мы неоднократно обсуждали данную ситуацию, я даже просила его поговорить с Кариной. Но всё бесполезно. Такое чувство, что мою сестру подсадили на наркотики, и теперь она не может оставаться дома, встаёт и идет за очередной дозой.

– Я думала, ты на похоронах, – тихо протягиваю я и смотрю на Астахова. Его каштановые волосы не уложены, смяты, будто он только проснулся. – Кажется, у Ситковых соберётся вся школа.

– Не для меня такие сборища, – горько усмехается парень. – По мне, похороны – пустая трата денег.

– Почему?

– Сама подумай. Приходят незнакомые люди и начинают говорить об уже мёртвом человеке так, словно он был их лучшим другом. Едят и пьют далеко не вишнёвый компот. К чему всё это? Я считаю, прощаться с человеком должны только близкие. Никого лишнего: родители и лучшие друзья.

– Наверно.

Астахов кивает и бредёт на кухню. Там по-хозяйски наливает себе воды и вновь поворачивается ко мне:

– А ты чего не пошла?

– По той же причине, что и ты, – сажусь за стол. – Меня тошнит от похорон. Не люблю мероприятия, в которых главную роль исполняют покойники.

Лёша усмехается и протирает руками лицо. Только сейчас я замечаю, что парень выглядит уставшим. Задумываюсь: «Может, он подавлен смертью Вовы? Они иногда общались на перемене, но вряд ли это сделало их друзьями».

– Послушай, Лия, – медленно начинает он, и я выплываю из мыслей. – Мы должны что-то сделать, иначе потом будет поздно.

– О чём ты?

– Я о Карине.

– И что ты можешь сделать? Моя сестра сошла с ума, и единственное, чем мы можем ей помочь, упрятать её в психушку.

– Понимаешь... Я уже сталкивался с таким! – с горечью признаётся парень. – Ничем хорошим подобные вещи не заканчиваются, поверь мне.

– Я знаю.

– Так что давай расскажем твоим родителям.

– О, давай! А потом нас с Кариной обеих не будут выпускать из дома до сорокалетия.

– Но тогда она хотя бы останется цела, понимаешь? – Лёша подходит ко мне и смотрит в глаза так серьёзно, что я буквально ощущаю, как на мои плечи ложится всё больше ответственности. – Твои родители многое пережили. Им было очень плохо, когда ты лежала в больнице.

– Но я...

– Не перебивай меня. Дослушай. – Он выдыхает. – Им было очень трудно, Лия. Я видел это. Твоя мать не находила себе места, каждый день прощалась с тобой и жила в страхе, что ты не очнёшься. Не позволяй ей пережить это снова.

– Не нужно мне напоминать. Пусть я не помню, что было до моего пробуждения, но отлично запомнила, что происходило после.

Мне больно слышать о больнице. Больно думать о ней. Сразу чувствую запах лекарств, иголки в руках и жуткий страх. Я пролежала в коме две недели, а когда очнулась, осознала, что из моей памяти выпал год. Целый год жизни, полной каких-то ощущений, событий, эмоций. Он просто исчез! Доктора сказали, что я потеряла память от сильного удара по голове. Позже я узнала, что упала с пятиэтажного здания. Все называли мое выздоровление чудом, я же считала это некой стеркой, которой воспользовалась моя судьба, желая избавиться от чего-то плохого и ненужного. С тех пор прошло четыре месяца. Я полностью восстановилась, жизнь стабилизировалась, но мне до сих пор кажется, что это «ненужное» было чем-то важным. Чем-то слишком близким и родным.

– Лия, – Лёша как всегда выводит меня из транса своим серьёзным и взрослым тоном. – Ты должна что-то сделать, иначе мы потеряем Карину. Нам с тобой известно, что она так долго не с подругами веселится, играя в шахматы. Нужно действовать!

Его слова действуют на меня словно красная тряпка на быка. Я вдруг понимаю, что единственное, чем могу помочь сестре, это самостоятельно вызволить её оттуда.

– Хорошо. Тогда я иду в парк.

Я резко срываюсь с места и иду в свою комнату. Когда я натягиваю на плечи тёплую кофту, рядом появляется Лёша.

– Ты меня неправильно поняла! – растерянно восклицает он. – Я имел в виду – давай обратимся к взрослым, привлечём полицию, но никак не давай разберемся сами!

– А мы и не будем разбираться сами. – Парень облегченно выдыхает, и тогда я продолжаю: – Ты со мной не идешь, так что разбираться я буду одна.

– Что?!

– Будь на связи, – я несусь по коридору и останавливаюсь у двери, чтобы надеть пальто. – Я позвоню, если что-то пойдет не так.

– То, что твоя сестра идиотка, мы уяснили, но ты ведь в своем уме! Куда собираешься? – Лёша недовольно хватается за локоть: – Ты никуда не пойдешь!

– Карина в опасности, и ты прав – я должна что-то сделать.

– Но ты ничего не можешь! Господи, Лия, ты обычный подросток. Что ты сможешь предпринять против целой банды?

– Я не знаю, – честно признаюсь я и всплёскиваю руками. – Я надеюсь, что у меня получится просто схватить сестру за шиворот и по-тихому притащить домой. Затем мы спокойно обсудим её поведение, она пообещает больше не шлаться с этой бандой, и мы мирно уснём под звуки завывающего ветра за окном.

Я открываю дверь, но Лёша тут же закрывает её и становится перед выходом:

– Ты спятила.

– Господи, Лёш. Просто верь мне! – горячо протягиваю я. – Я не знаю, почему, но мне кажется, что я поступаю правильно. Ты... – протираю руками лицо, – ты же знаешь, что это так. У меня нет выхода. Я должна помочь Карине, и тебе меня не остановить.

Парень думает несколько секунд.

Затем он уверенно выхватывает из моей руки ключи от квартиры и смотрит на меня так серьёзно, что мне становится не по себе.

– Во-первых, одна ты никуда не пойдёшь. Во-вторых, до парка в это время ходит мало автобусов, и моя помощь тебе понадобится в любом случае. В-третьих, – он тяжело выдыхает и открывает дверь за своей спиной. – Прости меня за то, что я позволяю тебе это сделать.

– Спасибо, – я кладу руку на плечо парню. – Спасибо тебе.

– Рано меня благодарить, – грустно протягивает Лёша, и мы выходим из квартиры. – Будем праздновать, когда вернём твою сестру домой. – Через минуту он добавляет: – И если вернём.

– Не говори так, – я иду на несколько шагов впереди и чувствую, как его взгляд прожигает мне спину. – Мы вытащим Карину.

– Всё слишком серьёзно. Эта банда опасна. Думаешь, ребята из нашей школы пропадают, потому что теряются в округе Питера? Они умирают, Лия!

– Не нагнетай обстановку.

– Я просто хочу, чтобы ты понимала, на что идёшь.

– Конечно, я понимаю.

– Тогда почему ты ещё не звонишь родителям?

– Потому что после разговора с ними и мне, и Карине придётся туго, – недовольно чеканю я и отталкиваю дверь подъезда. – Неужели ты не понимаешь, насколько сильно изме-

нится наша жизнь, узнай они правду? Карине запретят выходить из дома, а мне перестанут доверять, так как я упорно, несколько недель подряд говорю маме, что сестра приходит домой рано. Но что, если Карина не в таком плохом положении, как мы думаем? Что, если сейчас мы придём за ней, и на этом всё закончится? В этом случае привлекать родителей бессмысленно.

– А что, если всё именно так, как мы с тобой предполагаем? – устало спрашивает Лёша и открывает мне дверь своего нового черного «рено». – Что, если твоей сестре не хватит только нашей помощи?

– Вот тогда и привлечём родителей, – садясь, заключаю я.

– Мы идиоты, как и твоя сестра! – восклицает парень и закрывает за мной дверь. Затем он обходит машину, садится за руль и вновь отрезает: – Идиоты, и точка!

– Я и не спорю, – усмехаюсь я, хотя смех неуместен. Я смотрю на друга, на то, как напряжены его плечи и как крепко пальцы сжимают руль, какое испуганное выражение на его лице, и снова смеюсь: – Лёш, прекрати!

– Что? – недоуменно спрашивает парень. – Что не так?

– Прекрати волноваться!

– А ты прекрати смеяться. Мой испуг хотя бы оправдан.

– Прости. Нервы.

Лёша грустно улыбается и громко выдыхает:

– Мы с тобой отличная команда. Возможно, всё пройдет безболезненно.

– Мне ужасно жаль, что я втянула тебя.

– Я сам втянул себя, так что не начинай. Лучше подумай, что мы с тобой будем делать.

Каков план, кэп?

– Ну... – Я смотрю в окно, на размазанную картину города, и прикусываю губу. – У меня нет чёткого плана. Мы просто должны найти Карину, вывести её из парка и, если понадобится, силой затащить в машину.

– Ты, наверное, забыла, что вокруг твоей сестры будет много недружелюбных людей.

– Я помню, но надеюсь, что сегодня у них будет хорошее настроение.

– Какой отличный план! – с сарказмом восклицает Лёша. – Теперь я уверен, что мы уйдём живыми!

Я закатываю глаза и понижаю на сиденье. Астахов прав: план паршивый. Но что я могу против банды оголтелых преступников?

Уверенность начинает испаряться. Захотелось крикнуть Лёше, чтобы тот сильнее нажал на газ, иначе вместо адреналина мною завладеет паника. Но я молчу. Пялюсь в окно и не могу шевельнуться.

Когда Астахов останавливается около ворот парка аттракционов, я чувствую, что сводит живот. Мне становится по-настоящему страшно, как бывает, если смотришь фильм ужасов один, в темноте, со звуком на полную громкость. Пальцы мёртвой хваткой держатся за одеяло, глаза смотрят вперёд, тело отказывается повиноваться.

Я сейчас испытывала нечто похожее.

В голове возникают вопросы: «Что я здесь делаю? Кому пытаюсь что-то доказать?» Я не нахожу ответов.

– Готова? – Голос Лёши доносится будто издалека.

Не понимаю, как киваю, как выхожу из машины, как иду в парк. Разум отказывается принимать тот факт, что я решилась на подобное, но сердце упрямо тянет меня вперёд.

Сначала я слышу музыку: дикий рок, металл, похожий на скрежет железа. Музыка становится громче, по мере того как мы приближаемся к аттракционам, затем просто оглушающей. Впереди показываются люди, много людей. Раза в три больше, чем я предполагала, и у меня потеют ладони.

– Надень капюшон, – командует Астахов, и я послушно натягиваю капюшон на лицо. – Нам незачем выделяться.

– Как их много, – шепчу я, и мои глаза широко раскрываются: я вижу толпу, стоящую около заброшенного колеса обозрения.

Люди смеются, кричат, разбрызгивают по сторонам пиво. Кто-то танцует, кто-то лежит на ледяном асфальте, кто-то кричит или дерётся: полный хаос, изумительная свобода, которая не приносит ничего хорошего. Все без исключения одеты в темную одежду. У многих татуировки, у кого-то даже пирсинг. Боже мой, это секта? Надо найти Карину и сваливать.

– Полностью с тобой согласен.

– Разделимся? – Мой голос уверенный, так что Лёша кивает и удаляется от меня в противоположном направлении.

Если бы он знал, что творится у меня внутри! Не отошёл бы от меня ни на шаг.

Я выдыхаю и приближаюсь к толпе.

Значит, так выглядит знаменитая банда. Свора пьяных подростков, которая не в состоянии контролировать себя и свои желания. В каждом из них я вижу потенциальную угрозу. Им абсолютно плевать, что я прохожу рядом или пробираюсь вглубь их норы, но они в любой момент могут сорваться, как дикие собаки. И тогда мне придётся несладко.

Оглядываюсь и вижу костёр рядом с будкой, где когда-то продавали билеты. Костёр не просто большой, а огромный. Языки пламени тянутся к тёмному небу и освещают всё вокруг на десятки метров. Несмотря на то что я стою на приличном расстоянии от огня, чувствую безумное тепло, и мне хочется подойти ближе, согреться ещё сильнее.

Внезапно толпа начинает расступаться. Меня сносит волной в сторону и прижимает к какому-то толстому парню. Не думаю, что он замечает. Образовывается некая дорожка. Я вытягиваю шею, чтобы увидеть, для кого её сделали, но не могу подняться на носочки. Все стоят так близко, что я пугаюсь, как бы не задохнуться.

Неожиданно толпа начинает кричать: «Шрам! Шрам! Шрам!» Люди поднимают руки вверх, девушки дико визжат, а парни рычат, словно одичавшие звери. Поднимается гул. Толстый незнакомец резко взмахивает руками, и на меня едва не выливается его пиво. Он не обращает на это внимания. Впрочем, я не удивляюсь. Лишь пытаюсь отойти в сторону, но это оказывается непросто.

– Шрам! – орёт он. – Шрам! Ты его видишь? – Он неожиданно смотрит на меня, но я примерзаю к месту. – Видишь его? Он уже пришёл?

Он? Удивленно вскидываю брови. Шрам – это человек?

Девушки рядом со мной визжат, будто их проткнули ножом. Означает ли это, что пришёл тайный предводитель?

– Чушь, – бросаю я и собираюсь продолжить поиски Карины, но вдруг все затихают.

Недоуменно останавливаюсь. Какого чёрта? Почему никто не двигается с места? Наступает такая мертвая тишина, что самым громким звуком оказывается биение моего сердца. Судорожное биение. Мне становится не по себе.

Тянусь за телефоном, чтобы позвонить Лёше, услышать, что он нашёл Карину, и немедленно сбежать. Но вдруг все начинают медленно стучать ногами об асфальт. Как гром, удары эхом разносятся по парку, а у меня кровь стынет в жилах. Не удивлюсь, если мои глаза стали огромными от ужаса. Выпускаю из руки сотовый и осматриваюсь: я нахожусь в центре чего-то странного, опасного, необъяснимого. Разум кричит: «Уходи, Лия, уходи скорее!» Но сердце не позволяет ему взять верх, произнося тихо, но уверенно: «Останься. Ты именно там, где должна быть».

Эта «стая» подростков похожа именно на стаю. Их первобытное желание свободы, страсти, огня пугает и завораживает одновременно. Я чувствую, как мурашки пробегают по

спине и загорается сердце внутри, а в глазах блестит азарт, адреналин. Внезапно ловлю себя на мысли, что соскучилась по такому чувству.

Только через несколько секунд мне приходит в голову: почему соскучилась, если раньше я никогда не испытывала подобного?

— Сегодня новый день, — неожиданно провозглашает мужской голос, и я поднимаю глаза, смотрю на будку рядом с костром. Там, на крыше, стоит высокий парень. Он в тени, поэтому я вижу лишь силуэт. — Новая ночь в нашем распоряжении. Как вы знаете, я не силен по части громким слов, поэтому не буду тратить время на опровержение сложившегося стереотипа, скажу одно: посвящение продолжается! — Толпа одобряюще кричит и вновь вскидывает вверх руки. — Наши новички готовы к новым испытаниям, ждут, когда придёт их время доказать свою принадлежность к стае! — «Стае»? Мне становится страшно от того, что мой выдуманный термин оказывается реальным названием этого сборища. — Не будем их томить! Два испытания позади! Нам предстоит ещё пять, а пока... — Парень замолкает, и толпа стихает вслед за ним. Он игриво улыбается, раскидывает руки в стороны, закрывает глаза и шагает с трехметровой будки вниз. Кто-то взвизгивает, я же хватаюсь пальцами за рот. Парень спокойно приземляется на ноги, встаёт и вновь одаряет всех очаровательно улыбкой. Языки пламени освещают его лицо, и теперь я понимаю, почему люди выкрикивают слово «шрам». — Не дайте ночи пройти зря.

Толпа вновь дико орет, а я не могу оторвать взгляд от огромного шрама на лице предводителя. Рана начинается около левого глаза и неровной, бесформенной линией идет вниз по щеке, подбородку, шее... Мне и в голову не приходит, что должно случиться с человеком, чтобы оставить после себя такой отпечаток. Наверное, нечто ужасное.

— Лия! — Я ощущаю на себе чью-то руку и с силой выворачиваю её в сторону. — Ты что делаешь?!

Недоуменно поднимаю глаза и понимаю, что передо мной Лёша.

— Прости, я... — отпустив локоть парня, растерянно хмурюсь. — Понятия не имею, как я это сделала.

— Неважно. Карины нигде нет.

— Что?

— Я не смог её найти.

— Она не могла уйти далеко.

— Зря мы пришли, — шепчет Лёша, и я замечаю, как вздуваются вены на его шее. — Я не должен был позволять тебе.

— Перестань. Похоже, им всё равно, есть мы или нет. Этих подростков занимают совсем другие мысли.

— Ты не понимаешь. Ты ничего не понимаешь!

— Господи, Лёш, что за паника? — Я хмурюсь. — Всё идет гладко, перестань меня пугать.

— Мы должны найти Карину и как можно скорее убратся отсюда!

— Я и так этим занимаюсь, если ты не заметил.

— Лия, просто...

— Хватит! — с недоумением гляжу на друга. — Если тебе страшно, жди меня в машине. Я найду сестру и приду к тебе.

— Ты даже не пытаешься меня услышать!

Восклицание Лёши тонет в новой порции криков. Люди двигаются за Шрамом, и я вскидываю брови. Что заставляет их прислуживать этому человеку? Почему подростки — неуправляемые свободолюбивые эгоисты слушают какого-то парня с отпечатком жизни на лице?

— Жди меня в машине, — напоследок отрезаю я и уверенно иду за толпой. — Я найду Карину и вернусь к тебе.

Возможно, Астахов говорит что-то ещё, но я не слышу. Его страх не должен мне мешать.

Новое столпотворение не позволяет даже издали увидеть, что происходит в центре. Я подпрыгиваю. Бесполезно. Осматриваюсь в поисках места повыше. Безрезультатно. Приходится воспользоваться стандартным методом.

– Пропустите, – отрезаю я и, словно угорь, извиваюсь между людьми.

Мои движения резки, просьбы – совсем не просьбы. Я знаю, что пришла в место, где свои законы, и стараюсь им соответствовать. Иного способа пробраться к центру просто не существует, так что приходится быть наглой.

– Пропустите! – в последний раз восклицаю я и наконец оказываюсь в первом ряду.

Передо мной стоит огромная квадратная установка. Первое, что приходит на ум, – гигантский аквариум. Я бы рассмеялась, если бы не видела данное сооружение собственными глазами. Стекланный куб доверху наполнен водой, внутри колеблется чье-то тело. Люди вокруг отсчитывают время, Шрам стоит с секундомером в руке. Вдруг я понимаю: чёрт подери, вот оно, посвящение новичков. Их испытывают на прочность. Правда, каким способом? Пытаюсь утопить? Становится не по себе. Вряд ли обычный человек продержится без кислорода так долго. Да и кто пойдет на подобное? Это же чистой воды самоубийство!

Я присматриваюсь: внутри находится девушка. Несладко ей приходится. Куб выглядит устрашающе, как и толпа, обволакивающая его. Неожиданно в моей голове возникает вопрос: сможет ли адреналин прибавить несколько минут без кислорода, когда страх воды, людей и закрытого пространства нагло их отнимает?

Я скрещиваю перед собой руки и осматриваюсь: «Ну же, Карина, где ты?»

Неожиданно тело в аквариуме шевелится и медленно всплывает вверх. Но, когда девушка вытягивает руки, она и все люди, окружающие куб, понимают: проход закрыт.

– Нет-нет, – кричит Шрам, указывая на секундомер. – Ещё двадцать пять секунд.

Я хмурюсь. Он её не выпускает?

Девушка начинает сильно бить по люку, брыкаться, но парень не шевелится. Сначала я ощущаю глупое недоумение: почему он ей не поможет? Потом мною овладевает паника: ведь она задохнется! А затем меня поглощает дикий ужас: заложница разворачивается ко мне лицом, и я понимаю, что это Карина.

Первое, что я делаю, – кричу, но мой возглас не услышан. Толпа орёт так громко, что мой голос теряется, как спичка посреди пожара. Меня на автомате тянет к кубу, и я начинаю молотить по нему, как ненормальная:

– Карина! Карина!

Сестра спускается чуть ниже и замечает меня. Схватившись одной рукой за горло, она вторую прикладывает к стеклу и что-то шепчет.

– Боже мой, – судорожно протягиваю я. – Боже, Карина! Помогите ей! Кто-нибудь!

Последний кислород выходит изо рта моей сестры, и я вижу, как начинает оседать её тело.

– Нет! Карина, нет! Выпустите её!

Я срываюсь с места и непроизвольно несусь по лестнице к Шраму. Он удивленно замирает и смотрит на меня, словно видит призрака.

– Отпусти её! – верещу я и кидаюсь вперёд, будто одичавшее животное. – Отпусти! Она умирает! Ей нужен воздух! Открой чёртов люк! Открой его!

Парень молчит, стоит всё так же без движения, словно статуя. Его бездействие злит меня, и я сама нагибаюсь над рычагом, пытаюсь потянуть его на себя.

– Прошу, помоги мне! Пожалуйста, она же задохнется!

– Осталось всего тринадцать секунд, – холодно отрезает парень, и меня одолевает такой безумный гнев, что я готова разбить куб собственными руками. – Правила для всех едины.

– Господи. – От безысходности я готова расплакаться. – Ну же! Давай! – Я тяну рычаг и одновременно не могу понять, почему он не поддается. – Давай же!

Время на исходе. Люк не сдвинулся с места. Мой взгляд падает на биты.

Она лежит совсем рядом, в метре от меня. Какое простое и безумное решение. Неужели выхода из куба нет? Неужели испытание проходил не тот, кто находился под водой, а тот, кто смотрел на него? Не понимая, что делаю, я хватаю профессиональную тяжелую биты, спрыгиваю с куба и, размахнувшись, бью по стеклу.

Толпа отпрыгивает назад и в смятии утихает. Наверное, я первая, кто решился пойти против системы.

Ещё один удар. Стекло треснуло.

– Карина! – ору я, увидев, что сестра лежит на дне аквариума. – Нет!

Я вновь размахиваюсь и на этот раз полностью избавляюсь от преграды. Вода мощным потоком набрасывается на меня и утаскивает за собой подальше от куба и от толпы. Осколки царапают кожу, застревают в одежде, но я не обращаю на это внимания. Подрываюсь с асфальта, кидаюсь к сестре. Она совсем бледная, почти прозрачная.

– О, боже мой, Карина, – я падаю рядом с ней на колени, прохожусь руками по её светлым волосам, наклоняюсь к лицу. Дыхания нет. – Даже не думай! Слышишь? Даже не думай об этом!

Я вдыхаю воздух в её рот и начинаю делать массаж сердца. Раз, два, три. Ещё один вдох. Раз, два, три. Вдох. Раз, два...

Сестра резко выгибается и выплевывает застрявшую в горле воду. Тяжело и громко задышав, Карина испуганно выгибается на холодном асфальте и цепляется за мою руку так крепко, что мне становится больно.

– Боже, – шепчу я и обнимаю сестру. – Никогда больше не пугай меня так.

– Лия? Я... я не понимаю...

– Ты кто такая? – внезапно спрашивает меня мужской голос, и я поднимаю голову. Шрам нависает надо мной, будто грозовая туча. Его лицо злое, глаза черные, как у акулы. – Отвечай!

– Я не хочу проблем, – тихо начинаю я, соображая, что делать. Идти на конфликт глупо, хотя о чём я? Конфликт неизбежен. – Я пришла за сестрой. От вас мне ничего не нужно.

– Ты пришла в чужой дом и решила, что можешь вести себя так, как тебе заблагорассудится?

– Но Карина могла умереть!

– Твоя сестра сама пошла на это! – заключает Шрам. – И мне наплевать, благими ли были твои намерения. Ты вторглась на мою территорию.

– Я сейчас же уйду, – обещаю и встаю, поднимая Карину. – Прошу, позвольте нам уйти, мы никогда сюда не вернёмся.

– Твои извинения – вздор. Мне плевать на них. – Я чувствую, как от его взгляда исходит гнев. Даже поза кажется опасной. – Придётся платить. Только каким способом...

– Я не сделала ничего плохого! – Мой голос звучит уверенно, хотя внутри бушует неизведанный ранее страх. – За что платить? За то, что я спасла сестру?

– За то, что ты – чужая, – толпа поддерживает его высказывание. – Ты не из стаи.

– Прошу, – вновь повторяю я и подхожу чуть ближе к Шраму. – Прошу, отпустите нас, мы с вами больше никогда не пересечемся. – Заметив непреклонность в его взгляде, я судорожно выдыхаю. – Тогда отпусти хотя бы Карину. Я не позволю причинить ей вред. Делайте со мной что хотите, но её не трогайте.

Неожиданно парень улыбается. Я хмурюсь, не понимая причины резкой смены его настроения. С чем она связана? С тем, что я дрожу от страха? Или с тем, что Карина едва стоит на ногах?

– Готова отдать жизнь за сестру. Благородно. – Я киваю. – Знаешь, что мы ценим в нашей стае? Три простые вещи: свободу, бесстрашие и...

– Самоотверженность, – одновременно с ним шепчу я.

Шрам продолжает:

– Желание поставить жизнь другого члена «стаи» выше своей – повод для нас уважать и восхвалять тебя. Правда, есть одно «но», – я задерживаю дыхание и выдыхаю, когда он жестко и громко чеканит: – Ты чужая.

Люди вокруг снова орут, а одна девушка, совсем молоденькая, выходит немного вперед и кричит:

– Чужая!

Меня пугает поведение толпы. Что им от меня надо? Почему они хотят причинить мне вред?словно гигантский механизм, подростки подчиняются Шраму и соглашаются со всеми его словами и выводами. Более того, я сразу поняла, что, попроси он их спрыгнуть с моста, они спрыгнут. Попроси задержать дыхание на пять минут – задержат. Попроси лечь под поезд – лягут.

Череда подростковых самоубийств – не выдумка. И теперь я знаю причину.

– Как мы накажем гостью? – громко спрашивает Шрам, и подростки начинают нервно смеяться, переглядываясь. Я крепче сжимаю сестру за плечи и выпрямляюсь: хочу казаться выше и увереннее. Но, в любом случае, всё катастрофически выходило из-под моего контроля. – Мне кажется, нужно прибегнуть к традиционному методу. – Я сглатываю и сосредоточенно смотрю на парня. – Ты позволила себе слишком много, перешла черту. Я бы простил подобное жертвоприношение, если бы не материальный ущерб, который ты нам нанесла.

– Материальный ущерб? – Невозможно поверить, но я смеюсь. Нервы, наверное. – Ты собираешься наказать меня за то, что я разбила ваш самодельный аквариум?

– Да, именно так.

– Не пытайся провести меня. Я не знаю, кто ты и что тебе от меня нужно, но со мной подобные фокусы не пройдут. Это испытание изначально было сделано для того, чтобы разбить стекло.

– Неужели?

– А как ты ещё объяснишь то, что рядом с кубом лежала бита? Ваш девиз: свобода, бесстрашие и самоотверженность. Это значит, что кто-то из толпы должен был схватить орудие и избавиться от стекла в считанные секунды. Но почему-то никто этого не сделал.

– Возможно, потому, что ты не позволила никому до этого додуматься.

– О чём ты? – Как же мне страшно. Я пытаюсь говорить громко, чётко, уверенно, но внутри буквально умираю от дикого ужаса. – Ещё пара секунд – и Карина умерла бы!

– Это было бы печально...

– Боже, да ты псих.

– Если бы мне было интересно твоё мнение, я бы спросил, – Шрам недовольно сужает глаза и приближается ко мне. – Мы решим проблему радикально. Я отпущу тебя, но сначала пройди испытание.

– Испытание?

– Да, классика жанра. Ты против одного члена моей стаи.

– Подожди, – я не могу понять, о чём он. Хочется спросить у окружающих: он ведь шутит? Правда? Это шутка? Но вряд ли Шрам пускает слова на ветер, и я сконфуженно горблюсь. – Предлагаешь мне драться?

– Кто же будет твоим соперником? – Пройгнорировав мой вопрос, парень проходится взглядом по толпе и ухмыляется. Подростки кричат, поднимают ладони, рвутся вперёд, и моя голова идет кругом. Господи, было бы столько желающих меня спасти. – Саша – отличный боец. А может, Костя?

– Драться с ней буду я.

Неожиданно в центр выходит высокий парень. Прежде чем оценить его лицо, я обращаю внимание на мускулистые руки и широкую спину. Мне уже хочется закричать от ужаса и убежать, но потом я смотрю ему в глаза и прирастаю к месту: там лишь безразличие и холод. Я вдруг понимаю, что Лёша был прав – уйти отсюда живой очень сложно.

– Ты? – Шрам искренне усмехается. – Вот это развлечение на ночь!

– Включай секундомер, – рявкает парень. – Засечем, за сколько секунд я её вырублю.

– Подождите! – с вызовом кричу я. – Я не собираюсь ни с кем драться!

– Тебя никто не спрашивает.

– Ещё как спрашивает! Это несправедливо! Тебе достаточно ударить меня один раз – и я в нокауте! В чем тогда смысл поединка?

– Хватит разглагольствовать! – недовольно протягивает мой соперник и встает в оборонительную позу. – Или ты пытаешься защититься, или я тебя убью.

Меня обуревают ужас, я слышу, как дико стучит в груди сердце. На несколько секунд меня прорезает тьма: остаюсь лишь я и глаза моего противника, холодные и мертвые.

Мне определенно не становится легче.

Начинаю отступать назад. Вдруг какая-то девушка вырывает из моих рук Карину.

– Не трогай её! – зло кричу я и кидаюсь к брюнетке. – Убери от неё свои руки!

– Остынь, гостя, – усмехается Шрам в тот момент, когда толпа рук толкает меня в центр круга. – Твоя сестра уйдет домой в целости и сохранности, если ты пройдёшь испытание.

– Но я его не пройду.

– Главное – принять вызов, исход не так важен.

– Исход не важен? – нервно удивляюсь я. – Не важен?

Не обращая внимания на мои крики, Шрам поднимает руку, и толпа начинает скандировать: «Макс! Макс! Макс!»

Отлично! Теперь я хотя бы знаю имя своего убийцы.

– Деритесь, – командует парень, и меня сковывает ужас.

Я прирастаю к месту и, не отрываясь, смотрю на противника. Неужели он не понимает, что я обречена? Неужели ему доставит удовольствие избить девушку, которая даже не успеет поднять на него руку?

Максим спокойно подходит ко мне и, издеваясь, толкает в плечо:

– Ну что, готова, чужачка?

Я не отвечаю.

При мысли о том, чтобы просить у него пощады, начинает горчить во рту.

Глубоко вдыхаю и выставляю руки перед собой. Господи, может, я смогу его победить? Может, у него есть слабое место, и мне удастся найти его за первые несколько секунд? Может, он внезапно передумает и...

Живот пронзает резкая боль. В тот же миг я отлетаю в сторону от удара в плечо и буквально слышу, как внутри что-то ломается. Перед глазами проносятся тьма, я клонюсь на бок и едва удерживаю равновесие. Подростки вокруг продолжают скандировать имя моего противника. Они орут, смеются, кричат, и только я мечтаю проснуться и понять, что все происходящее – лишь страшный сон. Но желания остаются желаниями. Максим хватает меня за волосы и ударяет в живот, опять, только сильнее и гораздо жёстче, и я чувствую новую боль. Перед глазами взрываются краски: зелёная, синяя, жёлтая. Аттракционы, лица подростков, асфальт – всё смешивается и начинает крутиться. Я пытаюсь задеть парня, молочу руками в разные стороны, вялая, заторможенная, слабая, но он ставит мне подножку. Моё тело грубо падает вниз, и я скольжу подбородком по холодной земле не в состоянии даже крикнуть и

расплакаться от боли. Затем Максим опускается рядом со мной. Он хватает меня за шею и приближает рот к моему уху на такое расстояние, что я чувствую его горячее дыхание.

– Лежи и не двигайся, – шепчет он. Его приказ кажется мне странным, ведь я и так не могу шевельнуться. – Поняла меня? Ни одного движения!

Резко отпустив мою шею, парень поднимается с колен и громко выдыхает:

– Думаю, с неё достаточно.

– Ты правда так считаешь? – переспрашивает Шрам. – Она ещё в состоянии помахать кулачками, так? Ну же, гостья! Драка была слишком короткой, мы не успели ею насладиться! Всего тридцать одна секунда!

– Отстань от неё, Стас, – вновь произносит Макс, и я даже сквозь боль замечаю, что он первый, кто называет вожака по имени. – Пусть идет домой и больше никогда сюда не возвращается.

Наступает молчание.

Я разрываюсь между тем, чтобы плакать от боли или от унижения. Ноет всё тело и конечности. В глазах стоят слезы, в воздухе витает запах крови, и это не кровь соперника. Одно радует: плечо не болит – я его просто не чувствую.

– Ладно, – отрезает Шрам. – Я всё равно не рассчитывал на большее.

Я вижу, как он поворачивается ко мне спиной и уходит. То же делают остальные. Целая толпа проходит мимо меня, и никто не предлагает помощь, хотя выгляжу я наверняка паршиво.

Воцарилась тишина. Интересно, который час? Родители уже приехали? Обрадуются ли они, увидев меня в крови? Если, конечно, увидят.

Я хочу перевернуться на бок.

– Чёрт, – резкая боль пронзает спину. Я прикусываю губу, чувствую вкус крови и сжимаю руки в кулаки.

Мне трудно дышать. Легкие сдавлены после сильных ударов, рёбра начинают ныть, едва я пытаюсь втянуть воздух. Но кроме физической боли я испытываю ещё и нечто другое: дикий стыд, позор и разочарование в себе. Я оказалась такой слабой, беззащитной и уязвимой. Парню хватило тридцати секунд, чтобы избавиться от меня. Неужели я настолько ничтожна?

Неожиданно я слышу слабый голос:

– Лия? – Моё лицо приподнимают чьи-то холодные руки. – Боже, прости меня. Лия, ты меня слышишь?

– Карина?

– Господи, мне так жаль. Я... – Слова сестры обрываются, и она начинает плакать. – Я не хотела, я...

Неожиданно кто-то берет меня за плечи и медленно поднимает с асфальта. Я встаю на ноги, шатаюсь, пытаюсь разглядеть человека перед собой, но не могу даже удержать равновесие.

– Ох, как же он тебя... – протягивает женский голос. – Мог бы быть по деликатнее с девушкой.

– Я не понимаю...

– И не надо ничего понимать. – Незнакомка перекидывает мою руку себе через плечо, и мы двигаемся в сторону парковки.

– Кто ты?

– Кира. Я учусь с тобой в одной школе, забыла?

– Кира? – Мои мысли крутятся, пытаюсь воссоздать портрет человека, но вместо этого я лишь вяло оседаю в руках девушки. – Разве мы знакомы?

– Карина, прибавляй скорость, – проигнорировав мой вопрос, отрезает незнакомка. – Ты же не хочешь остаться здесь одна, правда?

– Я иду.

– Вот и отлично.

– Почему ты мне помогаешь? – неразборчиво произношу я и поднимаю глаза на девушку. – Ты же одна из них, зачем тебе проблемы?

– Не задавай лишних вопросов, Лия.

– Знаешь моё имя?

– Лия, – открывается дверь машины, и мне становится тепло. – Никаких вопросов.

Глава 2. Адреналин в моей крови

Как хорошо, что некоторым вещам приходит конец.

Я медленно открываю глаза, чувствуя запах родного дома. Мои духи. Моя комната. Мне просто приснился кошмар, и он закончился.

Я вытягиваю перед собой руки и вдруг резко сворачиваюсь клубком на кровати. Ядовитая, тягучая боль пронзает тело от кончиков пальцев до макушки головы. Словно маленькие взрывы, во мне то и дело пульсируют синяки, отёки. Я вдыхаю глубже и понимаю, что с запахом духов смешался запах крови, и тогда до меня доходит: это был не сон. И не кошмар! Я сжимаю одеяло и чувствую подступившие к глазам слёзы. Лицемерие исчезло: раньше я считала себя сильной. Я ошибалась.

Собравшись с силами, я пытаюсь разогнуться и открываю глаза. Медленно стаскиваю с себя одеяло и приподнимаю майку. На животе огромный отек. Он синий, желтый, оранжевый – настоящая радуга. Я крепко сжимаю зубы и поднимаюсь с кровати. Тут же взывают ноги, спина. Прихрамывая, я подхожу к зеркалу и вижу гематому на плече. Вот почему вчера я его не чувствовала: ему досталось больше всего.

В мою комнату стучат, и я пытаюсь как можно скорее добраться до шкафчика. Прикрыть синяки от родителей: наверное, это самая важная задача на данный момент.

Но, когда дверь открывается, на пороге я вижу Карину. Она бледная, уставшая. Я бы сказала больная, если бы не знала истинную причину вялости.

– Привет, – неуверенно шепчет она, и я прожигаю её недовольным взглядом. – Как себя чувствуешь?

– Отлично.

– Давай я принесу йод. Лёша сказал утром обработать раны ещё раз.

– Лёша? – Я вскидываю подбородок и усмехаюсь. – С чего это он решил позаботиться обо мне? Его ведь не волновало, что со мной, когда тот парень избивал меня на виду у целой толпы. Что изменилось?

– Неправда. Он сильно переживал.

– Я заметила.

– Послушай, – Карина подходит ко мне и кладет руку на здоровое плечо. – Прости меня. Я не хотела, чтобы так вышло.

– Ты... – Страхнув её руку, я протираю ладонями лицо. – Ты была в своем уме, когда прыгнула в куб? Понимала, что делаешь? Я не представляю, какой идиоткой нужно быть, чтобы добровольно пойти на самоубийство! Просвети меня. Скажи, о чём ты думала?

– Лия, это сложно объяснить.

– Нет тут ничего сложного! – заводясь, восклицаю я. – Объясни мне, почему ты делаешь это? Почему не слушаешь меня? Почему подвергаешь себя опасности?

– В «стае» есть мои друзья и я... – Карина резко замолкает, увидев гнев на моем лице. Она растерянно прикусывает губу и отворачивается. – Тебе не понять меня.

– Твои друзья? – Я практически выплевываю этот вопрос. – Считаешь, там были твои друзья? Ах да. Наверное, именно они стояли возле аквариума и смотрели, как ты задыхалась.

– Всё очень сложно! Я познакомилась с одной девушкой, и она привела меня в «стаю». Мы обе новички, и нам пришлось согласиться на инициацию.

– Господи, что за чушь ты несёшь? Какую инициацию? Что значит *нам пришлось согласиться*? Увидев этих людей, зачем ты осталась с ними? Это животные, у которых вместо разума – стремление к свободе и насилию!

– Не говори так, – с вызовом отрезает сестра, и я прирастаю к месту. Она защищает их? Защищает после того, что произошло? – Они честные и справедливые. Да, иногда и жестокие, но справедливые.

– Знаешь что, – неожиданно для самой себя я подхожу к Карине, хватаю её за локоть и тащу к двери. – Пошла вон из моей комнаты.

– Но...

– Я рисковала своей жизнью ради тебя, а ты ставишь мне эту безмозглую «стаю» в пример? – Кажется, сестра задевает последние оставшиеся здоровые органы. – Не подходи ко мне больше.

– Лия!

– Я сказала, пошла вон! – взрываюсь я и чувствую, как боль вновь пронзает тело.

Карина вихрем вылетает из комнаты и захлопывает дверь, а я без сил падаю на кровать. Опять трудно дышать. Такое чувство, что вчера мне сломали все ребра. Прикрыв глаза, я пытаюсь встать. Больно. Тогда я отталкиваюсь руками от постели и нахожу опору впереди: фортепиано. Когда-то я часто играла, сейчас не получается. Я чувствую дикое раздражение, если не могу вспомнить ни одного любимого произведения, и поэтому быстро прекращаю занятие.

Вновь открывается дверь. Я поворачиваюсь, чтобы послать Карину куда подальше, но вдруг вижу маму.

– Почему ты ещё не готова? – спрашивает она и достает из шкафа свою кофту. – Твой папа собирается уезжать. Планируешь добираться на автобусе?

– Нет, я уже одеваюсь.

– Давай быстрее. Школу ты сегодня не прогуляешь: можешь не прикидываться.

– Хорошо.

Мама уходит, а я хватаюсь рукой за спину.

Если мне удастся выжить, это будет невероятным везением.

Мы подъезжаем к школе в полной тишине.

Папа останавливается и достает из кармана кошелек.

– Сегодня не смогу забрать ни одну из вас, – сообщает он и открывает бумажник. – Так что добирайтесь самостоятельно.

– Хорошо. – Я киваю. – Что-то случилось?

– Нет. Просто мне поставили две смены, – он протягивает деньги. – Вчера я провел сложную операцию. За женщиной нужен уход, и желательно, чтобы я был поблизости.

– Мама знает, что ты будешь поздно?

– Она останется со мной в больнице. Я решил подстраховаться. У той женщины было внутреннее кровотечение, и, случись непредвиденное, знания мамы могут пригодиться.

Я понимающе киваю.

Два доктора в семье – сложная ситуация. Родителей почти не бывает рядом, а когда они появляются, с ними приходит контроль. Безумный контроль, порой сводящий меня с ума. К счастью, он заключается не в том, куда я хожу и с кем общаюсь. Чаще всего правила предков распространяются на бытовые вопросы. Например, кипятить воду в чайнике два раза запрещается под угрозой «административного наказания» в виде недельного исполнения роли единственной посудомойки. А жарить надо меняя масло при каждом новом заходе. Звучит здраво, но ужасно выбешивает, когда нельзя пожарить десять кусков мяса одновременно, обязательно делить их на две партии и сковородку мыть дважды. Естественно, я понимаю, что образ жизни моих родителей тесно связан с их работой: правила, алгоритмы, ответственность. Но иногда это утомляет. В конце концов, доктора они, а не я и не Карина.

– Тогда увидимся завтра утром, – я понимаю, что засну к тому времени, как они вернутся, и даже не надеюсь на ночную встречу. – Пока.

Я машу папе рукой, открываю дверь, но, когда пытаюсь встать, откатываюсь назад на сиденье. Внезапная боль заставляет скрючиться, и я крепко сжимаю глаза.

– Что такое? Лия! Что с тобой?

Карина замирает, папа смотрит на меня так же настороженно, и мне приходится ценой огромных усилий выдавить из себя улыбку.

– Просто живот схватило.

– Где? – Ну вот, опять его медицинские штучки. – Что именно болит?

– Пап, успокойся. Ничего страшного.

– Лия, я спросил, где болит?

Я выдыхаю и краем глаза замечаю бледное лицо сестры. Наверняка она уже готова провалиться сквозь землю. Я вообще-то тоже, но мне приходится быть смелой.

– У меня схватило низ живота. Такое бывает каждый месяц, пап. – Я наблюдаю за тем, как он расслабляется. – Не стоит волноваться. Всё пройдёт через несколько часов.

– Хорошо, – он кивает и переносит ногу на педаль сцепления. – Встретимся завтра.

Я повторяю попытку и на этот раз благополучно выхожу из машины. Папа уезжает, а Карина испуганно смотрит на меня.

– Почти раскусил.

– Я с тобой не разговариваю, – отрезаю я и направляюсь к школе. – Можешь даже не стараться что-либо исправить.

– Я и не стараюсь.

Я фыркаю. А ведь могла бы постараться, неблагодарная сестрица!

Сестра не отстаёт. Семенит следом, а я чувствую, как она испепеляет мою спину взглядом. Появляется желание развернуться и вклеить ей здоровую оплеуху, чтобы мозги встали на место. Но я иду вперёд и ровно дышу, не хочу опять спровоцировать боль в спине.

– Ты сегодня долго? – спрашивает Карина, но я не отвечаю. – У тебя есть вождение? – Я снова молчу, и тогда сестра тяжело выдыхает. – Рано или поздно нам всё равно придется заговорить.

– Думаешь? – не удерживаюсь я и прикусываю язык.

– Да, думаю, – довольная собой, она улыбается мне и наконец выходит вперёд.

Я не пытаюсь её догнать. Пусть идет куда хочет. В конце концов, боль в моей спине появилась из-за неё.

День начался не очень и продолжился в таком же медленном, тягучем ритме. Я ходила держась руками за стены. Иногда останавливалась, чтобы передохнуть. Но, к счастью, к концу третьего урока в моем теле выработался антидот. Я могла спокойно передвигаться, шевелиться и даже нагибаться при необходимости. Мои одноклассники не поняли, почему я похожа на калеку, но им, видимо, было всё равно. Я и раньше замечала, что ко мне относятся настороженно, не пытаются сблизиться, подружиться. Сначала задавалась вопросом, почему. Но потом бросила это дело. В конце концов, их проблемы, что я им не нравлюсь. Саму себя я вполне устраиваю.

Когда пришло время идти в столовую, я отправилась туда в гордом одиночестве. На звонки Лёши не отвечала принципиально, Карина где-то шлялась со своими подругами. Так что пришлось пересекать тёмные коридоры школы в обществе самой себя. До того момента, пока я не заметила вдалеке знакомое лицо.

Как я могла забыть?

Прибавляю скорость, насколько это возможно в моём состоянии, и нагоняю высокую блондинку. Коснувшись её плеча, откашливаюсь и неуверенно останавливаюсь:

– Кира?

Девушка оборачивается и скрещивает на груди руки. Не сказать что она выглядит испуганной, скорее растерянной. Ничего общего с девушкой, которую я видела вчера: уверенной, сильной, бесстрашной.

– Я хотела сказать кое-что. Спасибо, что помогла мне добраться до машины.

– Не стоит, – почти шёпотом отвечает она.

– Нет. Я правда очень благодарна. Все прошли мимо, а ты остановилась.

– Кто-то должен был.

– Почему ты это сделала? Ведь не в правилах «стаи» помогать чужакам.

– Тише, – резко отрезает она и оглядывается. – Хочешь, чтобы все узнали, где мы вчера с тобой проводили время?

– Я не думаю, что люди поймут, о чём мы.

– А если поймут? – Кира протирает лицо и откидывает назад волосы. – Послушай, я помогла тебе, но это не значит, что теперь мы лучшие подруги или заодно, ясно? Ты лежала в крови, мне стало тебя жалко, и я не смогла пройти мимо.

– Жалко? – У меня запершило в горле. – Так дело лишь в жалости?

– А ты что подумала? Конечно, мне стало тебя жалко.

– Ясно, – отрезаю я и вскидываю перед собой руки. – Можешь не продолжать.

– Не знаю, что ты навывдумывала, – произносит Кира и приближается ко мне. – Но ты должна уяснить: не все такие добрые, как я. Больше не приходи в парк, иначе так легко не отделаешься.

– Легко? – усмехаюсь я. – У меня вместо живота один огромный отек, а на плече гематома размером с Африку. Это легко, по-твоему?

– Да, это самое безобидное, что могло с тобой произойти. Большинство чужаков не возвращаются домой, а попадают в больницу.

– То есть я не первая, кто посягает на территорию Шрама?

– Конечно. Не ты первая, не ты последняя.

– Я спрошу ещё кое-что, и ты от меня отделаешься, – обещаю я, а затем в недоумении пожимаю плечами. – Зачем ты туда ходишь, если понимаешь, что люди не покидают парк в целостности и сохранности?

– Боюсь, отвечая на этот вопрос, я займу слишком много твоего времени.

– Ничего страшного. Я никуда не спешу.

– Просто забудь обо всём, Лия, – советует Кира, и я замечаю в её глазах не жалость. Скорее всего, это забота. Хотя мне непонятно, почему на её лице появляется именно такое выражение. – Забудь о Шраме и поединке, забудь обо всём. Так будет лучше.

– Для кого?

– Для тебя, – немного помолчав, блондинка добавляет: – И для твоей сестры.

– Оглянись! Люди вокруг умирают, ты же знаешь. И я уверена, почти все из списка умерших связаны с вашей «стаей». Так почему ты и остальные продолжаете туда ходить? Или почему бездействуете?

– Ты обещала, что вопрос будет последний.

– Но ты мне на него не ответила.

– Если я не ответила, значит, на то есть причины. – Кира устало пожимает плечами и вновь оглядывается. – Радуйся, что дышишь, что Карина в порядке. Живи дальше! Не надо лезть туда, где тебе не место.

– Мне просто интересно.

– Осторожно. Интерес может завести тебя слишком далеко, – девушка в последний раз бросает на меня обеспокоенный взгляд и уходит.

Я долго смотрю ей вслед, не зная, почему хочу разобраться. Наверное, она права. Я и Карина выбрались, мы обе живы, почему бы не забыть вчерашний день?

Ответ приходит вместе с болью в спине.

Я и так слишком многое забыла. Теперь всё, что со мной происходит, кажется важным и ценным. Даже такие ужасные события.

Я прихожу в столовую, когда до звонка остаётся десять минут. Следующим уроком у меня физкультура, так что спешить некуда: я все равно не смогу даже нагнуться за мячом. Меня быстро обслуживают, я поднимаю поднос и иду к центру зала.

Практически все столы пусты, у меня огромный выбор. Правда, пока я думаю, куда сесть, кто-то берет меня за руку и ведёт к столику у окна.

Я не сопротивляюсь, так как вижу, кто это.

– Пользуешься моей травмой, Астахов? Иначе я с удовольствием попыталась бы вновь вывернуть тебе руку.

– Прости меня, Лия, – выдыхает парень и помогает мне сесть. – Прости, пожалуйста.

– Я прошу, но только после того, как ты объяснишь мне: какой силой воли нужно обладать, чтобы просидеть в машине почти полчаса и не прийти мне на помощь?

– Я не мог прийти.

– Правда?

– Да. Мне там не место.

Я смотрю на Лёшу и сгораю от злости, но приходится взять себя в руки. Я отпиваю глоток чая.

– То есть, – глотнув, протягиваю я, – мне там место, а тебе – нет? Интересная теория.

– Я же извинился.

– Это ничего не меняет. Я не смогу забыть, что ты отсиживался в машине, пока меня избивал тот парень. Как доверять тебе после этого?

– Я и не прошу забыть. Но попытайся понять, – Астахов тяжело выдыхает и нервно протирает лицо. – Я многое не могу объяснить, но надеюсь, ты просто поверишь.

– Поверить на слово? – Я смеюсь и откусываю бутерброд. – Ага, сейчас.

– Эй, не говори с набитым ртом, – поучает он, на что я язвительно корчусь. – Лия, ты же меня знаешь. Я бы ни за что не бросил тебя. К тому же я понимал, что ты не пострадаешь.

– Что? Я же...

– Не пострадаешь сильно, – исправляется он, и раздаётся школьный звонок.

Парень кладёт голову на руки и устало выдыхает. Мне становится не по себе. Может, я и правда чего-то не знаю?

– В таком случае объясни мне, что тебя так напугало? – Идти на перемирие – не мой конёк. Но потерять Лёшу тяжело. – Почему ты побоялся прийти за мной?

– Не сейчас. Я скажу тебе, но не сегодня.

– Почему не сегодня? Неужели завтра что-то изменится?

– Я не знаю. Но сейчас... сейчас я к этому не готов. Да и ты тоже.

Его слова меня озадачивают. Готова не готова, какая разница? Главное, узнать правду. Разве не так?

Мои размышления прерывает телефонный звонок.

Астахов поднимает голову, достает сотовый и, увидев имя на дисплее, застывает в ужасе. Затем он нехотя подносит телефон к уху и спрашивает:

– В чём дело?

Длительное молчание. Его зелёные глаза становятся всё больше, а потом вдруг закрываются. Парень качает головой из стороны в сторону и выдыхает так громко, что я испуганно съеживаюсь.

Я гадаю, кто это может быть и что происходит. Почему Лёша напуган? Может, что-то с его родителями? Они узнали о результатах его теста?

Астахов кладет трубку и открывает глаза.

– Что? – недоуменно спрашиваю я. – Что случилось?

– Карина, – медленно отвечает он и следит за моей реакцией.

Она не заставляет его долго ждать. Я сжимаю в руке чашку с чаем и нагибаюсь вперёд.

– Что с ней? Где она?

– Кажется, твоя сестра окончательно потеряла голову.

– Твою мать, Лёша, что происходит?

– Она вновь пошла в «стаю» и сейчас готовится пройти четвертое испытание.

– Что? – Я буквально чувствую, как внутри разгорается пожар. Зачем она это делает? – Не может быть. Я несколько часов назад была с ней рядом!

– Видимо, она пришла в школу для вида. На самом деле сейчас она в нескольких километрах отсюда, готовится продолжить инициацию.

У меня кружится голова. Я отставляю чашку и едва сдерживаю слёзы. Может, позвонить родителям и рассказать им правду? Я не выдержу ещё одного избиения. Эгоистичная часть меня кричит так сильно, что вспоминаются удары в живот, плечо и вся боль прошлой ночи. Мне становится ужасно плохо. Я сижу, сгорбившись и не представляя, что делать.

– Нужно торопиться, – отрезает Астахов и кладет свою руку поверх моей. – Мы должны поехать за Кариной или позвонить родителям. Действовать нужно немедленно.

– Лёш, она издевается надо мной, – слабым голосом протягиваю я. – Неужели ей так наплевать на собственную жизнь?

– Потом ответим на все вопросы, Лия. Сейчас нужно срочно что-то предпринять или Карине не поздоровится!

– Но что я могу? Что?

– Ты всё можешь, – уверенно отрезает Астахов, и я поднимаю глаза. – Ты способна на многое, Лия. Поверь мне, если кто и в состоянии защитить твою сестру, так это ты.

– Но ведь раньше ты считал, что разумнее попросить помощи у взрослых.

– Я и сейчас так считаю, просто ты – другая. – Он смотрит на меня с такой нежностью, что мне становится неловко. – Ты способна спасти любого, кто тебе дорог. И я не понаслышке знаю об этом.

Я прикусываю губу и смотрю на свои бледные руки. Итак, какова вероятность того, что сегодня я вовсе не вернусь домой? «Стая» не принимает чужаков. Есть ли у меня шанс спасти сестру ещё раз?

Неожиданно в моей голове созревает план.

Я встаю из-за стола и, не поддаваясь боли, хватаю со стула сумку.

– Идём. Я знаю, что делать.

Мы подъезжаем к воротам старого вокзала, около них стоит Кира. Я удивлена, что вижу её, и поворачиваю голову в сторону Лёши. Может, он объяснит, что она здесь делает? И почему мы вообще приехали к вокзалу, если «стая» обитает в парке? Но парень даже не смотрит на меня. Паркуется и медленно выходит из машины. Я вылезаю следом за ним и останавливаюсь перед блондинкой.

– Кира, что ты здесь делаешь?

– Пытаюсь помочь, – шепчет она и смотрит на Астахова. – Вы вовремя. Инициация начнется через несколько минут.

– Я гнал, как мог.

– Подождите, – протягиваю я и смотрю сначала на Лёшу, потом на блондинку. – Это ты ему звонила? Ты сказала, что Карина здесь?

– Да, я.

– Но откуда вы знаете друг друга? В смысле да, мы учимся в одной школе, но...

– Ты опять задаёшь много вопросов, – перебивает меня Кира и упирает руки в бока. – Я понятия не имею, что ты собираешься делать, но твоя сестра уже достала. Неужели ты не могла ей объяснить, что общение с плохими дядьками вредно для здоровья?

– Она не слушает меня.

– Я бы тоже не стала слушать, – смеётся блондинка, но мгновенно берёт себя в руки. – Лёша сказал, у тебя есть план.

– Да, есть. – Сейчас я уже сомневаюсь в нём, но по дороге до вокзала ничего умнее не смогла придумать. – Он безумный, но мне кажется, что ты не будешь против. В конце концов, ты в «стае», а вы привыкли совершать безумные поступки.

– Так и есть. Посвятишь меня?

– Нет. – Я выдыхаю. – Это мои проблемы.

– Как скажешь. – Кира начинает двигаться в сторону вокзала. – Следуй за мной.

– Ты идешь? – спрашиваю я Лёшу, но он неуверенно качает головой. – Ладно. Сама разберусь.

Можно ли простить другу его страх? Наверное, можно. Но мне почему-то сложно так поступать.

Следуя за Кирой, я думаю о том, как попала в данную ситуацию. Почему связалась с этой бандой? Почему стала частью её истории? Раньше мне доводилось лишь в газетах читать о противоправных действиях некоторых членов стаи, а теперь я второй день подряд добровольно лезу в пекло.

Я слышу гул, и кровь стынет в жилах. Мы совсем близко.

– Я не могу провести тебя до самой «стаи», – говорит Кира. – Иначе мне придется несладко. Так что будь паинькой и сама пройди несколько метров, договорились?

– Да, конечно.

– И лучше не совершай глупостей. Шрам не любит, когда люди пытаются вешать лапшу ему на уши.

– К счастью, мой план заключается не в этом, – тихо говорю я и вижу на перроне столпотворение. Сердце охватывает ужас: какое новичкам предстоит испытание на сей раз?

– Все, дальше иди сама, – отрезает Кира и касается моего плеча: – Будь осторожна.

Я удивленно вскидываю брови, а, когда собираюсь ответить, она разворачивается и уходит. Почему блондинка так добра ко мне? Почему волнуется?

Встряхнув головой, я выпрямляюсь. Спину тут же обдаёт жаром, но я не обращаю внимания. У меня ноет всё тело, болят конечности, но я иду вперёд. Наверное, это смелость. Хотя, может, обычная глупость.

Увидев меня, подростки расступаются. Одни смеются, другие молчат. Я бы тоже удивилась, скажи мне кто-нибудь сегодня утром, что я вернусь в «стаю». Но такова реальность. Люди затихают, опускают бутылки и смотрят на меня с немим вопросом: «Какого чёрта ты здесь делаешь?»

Наконец я замечаю Шрама. Он стоит на краю платформы и смотрит на рельсы. Неужели его завораживает картина отвратительных железных полос? Разве это красиво?

Затем он поворачивается ко мне, не скрывая удивления. Сначала я замечаю на его лице усталость, а потом гнев. Ведь я послушалась и пришла во второй раз.

– Ты страх потеряла? – с недовольством интересуется он. – Разве вчера мы не договорились, что ты не вернёшься?

– Я прекрасно помню, что было вчера, – уверенно отвечаю я и замечаю с правой стороны шесть человек. Они стоят друг за другом. Карина – последняя. – Но кое-что изменилось.

– Что именно?

– Отношение к сестре. Она решила, что может противоречить мне, и ошиблась.

– Хмм... – Шрам неожиданно улыбается. – Интересно. Тебя злит, что твоя сестра не захотела покидать «стаю»?

– Да, так и есть.

– Я, наверное, совсем недалекий, потому что не понимаю: чего ты вмешиваешься? Она взрослая девочка и сама знает, чего хочет, что ей нужно. Вчера ты её спасла, а сегодня она вернулась. Какова вероятность того, что это не повторится снова?

– Она больше не будет членом вашей «стаи», а, значит, вернувшись, подвергнет свою жизнь риску. Огромному риску.

– И почему она перестанет являться членом нашей стаи?

– Я займу её место, – по перрону проносится гул.

Шрам удивлённо вскидывает брови, и я слышу, как ко мне подбегает Карина.

– Какого чёрта? – взрывается она. – Я не собираюсь никуда уходить!

– Замолчи, – металлическим голосом отрезаю я и пронзаю сестру таким взглядом, что она бледнеет. – Стой рядом и не говори ни слова!

– Но какой мне прок соглашаться с тобой? – лениво спрашивает Шрам. – Не легче ли снова поставить тебя на место, и дело с концом.

– Я помню, как вы относитесь к самоотверженности. Моя сестра идиотка, тем не менее, я лучше подвергну опасности себя, чем позволю это сделать ей.

– Мы прекрасно относимся к самоотверженности внутри стаи, но не со стороны чужаков.

– Взгляни на ситуацию под другим углом, – я начинаю терять надежду: неужели план не осуществится? – Какая тебе разница, я или Карина подчиняемся твоим приказам? А? Отпусти её, а дальше дело за мной. Если понадобится, я прицеплю её наручниками к батарее, зато она останется в живых.

– Ты так уверена, что твоя сестра умрёт? Многие выживают после инициации.

– Многие? Я так не думаю.

Шрам задумчиво смотрит на меня: неужели решил рассмотреть моё предложение? Затем он сжимает губы, скрещивает руки перед собой и неожиданно говорит:

– Ладно. Я согласен.

– Что? – Карина краснеет и срывается с места. – Но я хочу быть в «стае»! Я не она!

– Твоя сестра дала всем понять, что ей неважно твоё мнение.

– Потому что мне важна твоя жизнь! – Я смотрю на Карину и хмурюсь. – Ты идиотка, если не понимаешь, во что ввязалась!

– Но это мой выбор!

– Пожалуйста, – я смотрю на Киру, но не произношу её имени. – Уведи её.

Блондинка кивает.

– Я никуда не уйду, – верещит сестра. – Не тебе решать, что мне делать, а что нет.

– Ты ошибаешься. Именно мне решать.

– Но это несправедливо. Я хочу быть в «стае»! Я хочу стать её частью!

Кира берет сестру за локоть и грубо тащит за собой.

– Нет. Отпусти меня! Лия, прошу тебя! – Карина пытается вырваться, но тщетно. – Лия!

Я отворачиваюсь и стискиваю зубы. Не верится, что желание Карины быть среди этих животных перевешивает желание жить.

– Итак, – наблюдая, как Кира уводит сестру, протягивает Шрам. – Выходит, ты будешь проходить инициацию вместо неё.

– Выходит, что так.

– Я сегодня в хорошем настроении, тебе повезло. Хотя, – он хмурится. – Мне кажется, было бы честно поставить тебе одно маленькое условие.

– Какое? – устало спрашиваю я. Я ещё не думала, как буду проходить испытания с ноющими конечностями, почему-то только сейчас вспоминаю об этом. – Какое условие?

– Твой результат должен быть лучше результатов других. Тогда ты останешься в «стае» и продолжишь инициацию.

– В противном случае?

– В противном случае, – продолжает Шрам. – Ты будешь изгнана, а твоя сестра вернётся на своё законное место.

– Хорошо, – безучастно отвечаю я и чувствую, как покалывает в глазах. – Я согласна на все условия.

– Отлично, тогда начнём, – парень потирает руки. – Первый поезд уже на подходе!

Почему-то я не удивляюсь.

Меня окатывает волна страха, ужаса, но не удивления. Я догадываюсь, какое будет испытание, и внутренне стараюсь себя к нему подготовить.

Хотя можно ли быть к такому готовым?

– Смысл данного испытания, – кричит Шрам, и люди обращают к нему лица, – в том, что новичок выходит на рельсы и становится спиной к идущему поезду. Мы засекаем время и считаем, за сколько метров до приближающегося состава он успеет отскочить в сторону. – Чуть помедлив, он добавляет: – И без фанатизма. Смерти нам ни к чему.

Подростки торжественно кричат, увидев приближающийся поезд. Я сглатываю накопившуюся слюну и сжимаю потные ладони в кулаки. На улице прохладно, но я вся горю, хочется обрызгать лицо ледяной водой, упасть в сугробы, которых ещё нет. Хочется прыгнуть в бассейн и лежать на воде. На лбу появляется испарина. Сводит низ живота, и мне приходится признать, что боль в спине и мышцах спасительна: она не дает расслабиться, иначе я упала бы без чувств.

Когда первый парень, старше меня года на два, прыгает с платформы к рельсам, моё сердце останавливается. Я готова кричать от ужаса, но понимаю, что это не поможет ни ему, ни мне. Поезд совсем близко. Теперь я не только его слышу, но и вижу. Люди вокруг, одетые в чёрное, начинают шевелиться. Они подходят ближе к платформе и выкрикивают слова поддержки. Удивительно, что они не кричат: «Поскорее бы тебя сбил поезд!» Потому что всё идёт к этому.

Я прикрываю рукой рот, дрожа как осиновый лист. Так страшно мне было всего один раз: когда я проснулась и поняла, что потеряла целый год. Но тогда паника была моральной, а сейчас я её физически чувствую.

– Боишься? – неожиданно спрашивает меня Шрам и улыбается. – Испытание не из легких.

– Справлюсь как-нибудь и без твоих советов, – огрызаюсь я.

– Я в этом сомневаюсь.

Затем он оставляет меня одну и подходит к толпе.

– Отходим все на шаг назад, – кричит он и, расставив руки, сдвигает подростков ближе к центру. – Этот вокзал в нашем распоряжении, но я не хочу проблем.

Я недоуменно вскидываю бровь и нехотя подхожу к парню.

– Что значит «в нашем распоряжении»?

– Стало интересно?

– Просто ответь, Шрам.

– Этот вокзал не рабочий. Он заброшен, как и парк, в котором мы обычно проводим время.

– Но тогда откуда здесь поезд?

– Я бы сказал, проезжает не поезд, а несколько вагонов. – Он вновь улыбается. – Не волнуйся. Управляет один из наших.

– Значит ли это, что при необходимости он успеет затормозить? – с надеждой спрашиваю я и натыкаюсь на безумный взгляд парня.

– Это абсолютно ничего не значит.

Меня опять тошнит от ужаса.

Я сжимаю пальцы в кулаки и вижу, как парень на рельсах закрывает глаза. Поезд совсем рядом. Я уже отчетливо вижу его силуэт и внутренне начинаю паниковать. Звук всё громче, и кровь вскипает, словно подогретое молоко. Парень нервно нагибается, готовясь отпрыгнуть. Сто метров, девяносто, восемьдесят – люди орут словно дикие. Одна девушка протягивает вперёд руки и кричит, что любит его. Если бы любила, не позволила бы совершать такое. Хотя что я понимаю в любви?

Семьдесят, шестьдесят – я закрываю руками лицо и слышу дикий рёв поезда. Пятьдесят. Поток воздуха откидывает назад мои угольные волосы, и я испуганно отступаю, не решаясь открыть глаза.

Мне хочется плакать, забиться в угол и не выходить.

Но вдруг я улавливаю радостный крик. Мои руки сами опускаются, глаза находят толпу, и я замечаю парня. Он, довольный, стоит рядом со своей девушкой, целует её, обнимает, крутит вокруг себя. Он справился, и он жив.

Я с облегчением выдыхаю и вдруг чувствую чьё-то прикосновение.

– Ты как? – Я поднимаю глаза и вижу Киру. – Всё в порядке?

– Честно?

– Ладно, можешь не отвечать. – Блондинка едва заметно улыбается. Я благодарна ей за то, что она рядом. Кажется, я смогла бы ей довериться. – Ты последняя?

– Да, Карина была шестой, так что...

– Отстой. Придётся посмотреть на все результаты.

– Меня волнуют не цифры. Как понять, когда нужно отступить? Как поймать именно этот момент?

– Чёткой инструкции нет. Просто прислушивайся. В какой-то момент звук перестанет нарастать. Это значит, у тебя доля секунды, или... – Она проводит пальцем по шее и округляет глаза. – Но лучше, конечно, не держаться до этого момента. Слишком большой риск не успеть отпрыгнуть.

– Ясно. Хорошо. Спасибо.

– Прекрати так волноваться, – улыбается Кира. – Наша «стая» собрана для того, чтобы получать удовольствие от жизни и адреналина, вскипающего в крови. Мы здесь для того, чтобы побороть свои страхи, а не стать заиками.

– Но ведь люди умирают... Это не игры!

– Умирают глупые гордецы, которые считают, что способны на большее, хотя не в состоянии даже перепрыгнуть через козла. Ну или те, кто думает, что рождены для нашей «стаи»... Например, такие, как твоя сестра. Их хватает ненадолго, потому что они забывают о своей слабости – смертности. Порой стремление доказать исключительную самость доходит до абсурда. Поэтому я рада, что твоя сестра ушла. Ей бы пришлось трудно.

– Ты отвела её к Лёше? – вспоминаю я.

– Да, и он отвезёт её к вам домой.

– Спасибо.

Оглядываясь, я понимаю, что осталось всего два человека. Когда успели пройти двое?!

Увидев мой озадаченный взгляд, Кира выдыхает:

– Две девушки отказались.

– А так можно?

– Да, но теперь они изгнаны. – Блондинка пожимает плечами. – Не думаю, что им будет просто. Первое время наши парни запугивают тех, кто сдался и убежал.

– Но зачем? – поражаюсь я. – Это их выбор. К чему такая дикость?

– Не знаю. Наверное, ради веселья.

– Ради веселья, – как эхо, повторяю я. – Считаешь нормальным издеваться над тем, кто оказался менее смелым, чем вы?

– Я считаю это абсурдом, – признаётся Кира, но затем искренне улыбается. – Но в чём тогда смысл «стаи», если попасть в неё может кто угодно? Остаются избранные. Это наша собственная версия естественного отбора.

– Вы не боги, чтобы создавать собственную версию.

– Бог тут ни при чём. Кто-то сильный, кто-то нет. Кто-то мудрый, а кто-то не очень.

– Не все сильные! – с вызовом восклицаю я. – Не каждый способен уложить Шрама или парня, который избил меня.

– Умоляю тебя, – усмехается блондинка. – При чём тут кулаки и зубы? Оглянись. Побеждают не безмозглые силачи. Умные не умирают, Лия. Умные управляют нами.

Я делаю так, как просит Кира: оглядываюсь и вдруг понимаю, что она говорит правду. «Стаей» управляет Шрам, но кто сказал, что он самый сильный? В нашей жизни всё чаще побеждают ум или деньги. Здесь нет места бумажным купюрам, поэтому балом правят мозги. Похвально! Правда, утешает мало.

– Объясни мне, что хорошего дают ваши испытания? – спрашиваю я и смотрю на Киру. – Зачем рисковать жизнью? Ведь здесь нет выигрыша, награды. К чему столько усилий, если единственное, что у тебя остаётся, – отеки, гематомы и шрамы?

– Победа над самим собой – главная награда. Мы мыслим не так, как обычные люди, Лия. Неужели ты согласна провести всю жизнь сидя на диване? – Блондинка пожимаем плечами. – Я знаю огромное количество людей, которые ходят в школу, делают уроки, помогают родителям, увлекаются садоводством и посещают дополнительные кружки. Затем они поступают в институт, находят себе мужа или жену, рожают детей, работают, стареют и умирают...

Я недоуменно хмурюсь.

– Как тебе, а? – с сарказмом спрашивает Кира. – Устраивает такая судьба? Ничего интересного и захватывающего.

– Но они хотя бы не становятся калеками.

– Да, они не калеки, но потенциальные мертвецы. Существовать и жить – разные вещи. Им вряд ли удастся понять нас, свободных людей.

– А если сегодняшний день окажется последним? – дрожащим голосом восклицаю я и раскидываю руки в стороны. – Что, если завтра не будет?

– Вспомни наше главное правило, Лия. – Кира снимает с меня куртку, хотя на улице достаточно холодно. Потом закатывает мои рукава и аккуратно кладёт на плечи горячие ладони. – Свобода, бесстрашие и самоотверженность.

– Зачем я сняла куртку? – Я сбилась с мысли, и мне вновь стало страшно.

– Так двигаться проще.

– Ну да. – Я опускаю глаза и вижу татуировку на запястье: W. Не помню, как её сделала. Видимо, это тайна исчезнувшего из памяти года. – Значит, отпрыгнуть, когда пойму, что звук не становится громче.

– Лучше за несколько секунд до этого, – напоминает Кира. – Будь смелой!

Киваю и вижу таблицу в руках у невысокой девушки. В ней написаны имена, напротив них – метры. Итак, Дмитрий, первый парень, – 42 метра, затем две зачеркнутые полосы. Ниже Константин – 36 метров, Денис – 49.

– О, господи, – выдыхаю я. – 36 метров? – Я практически выкрикиваю этот вопрос и смотрю на рыжего парня. Внешне он маленький, неприметный, хилый, но оказался лучше

всех. Мне становится не по себе, и я снова поворачиваюсь к Кире: – Такое чувство, что я совершаю самую большую ошибку в своей жизни.

– Ты делаешь это ради сестры, – напоминает мне блондинка и, улыбаясь, кивает в сторону рельс: – Пора.

Моё сердце падает вместе с руками.

Неожиданно ко мне подходит Шрам и снисходительно хмурится.

– Придется постараться. Сегодня новички показали себя лучше обычного.

– Я заметила, – сквозь зубы огрызаюсь я.

– По-прежнему не хочешь попросить совета?

– Нет.

– Отлично. – Парень подталкивает меня к краю платформы, и я неуклюже прыгаю вниз. Рельсы огромные, железные, мощные. Меня мгновенно наполняет страх. – Только помни – без фанатизма!

Я слышу его смех и бросаю:

– Пошёл ты!

Внезапно до меня доносится звук приближающегося поезда. Земля под ногами начинает ходить ходуном, трещать, дрожать, и я дрожу вместе с ней. Не понимая, что делаю, становлюсь посередине рельсов. Спина горит, мышцы напряжены. Я думаю не о том, что придётся падать на больное плечо, а о том, как вообще сдвинуться с места.

Меня разрывает на части странное чувство. С одной стороны, я на грани истерики. Мне хочется расплакаться, и я ощущаю, как глаза наполняются слезами, начинает колоть в переносице. Но я не плачу. Я ловлю в себе что-то ещё, что-то странное. Возможно, так на организм действует адреналин, но мне внезапно нравится чувствовать страх и понимать, что я могу его побороть. Как? Например, отпрыгнув в сторону. Выходит, сейчас не кто-то сверху диктует мне судьбу, её пишу я сама, стоя здесь, на рельсах. И кто после этого Бог, если в данный момент, в данную секунду контролировать свою жизнь могу только я?

Звук становится громче. Слева от меня нарастает рёв толпы. Подростки что-то кричат, но я не могу разобрать ни слова. Все смешивается в единую мелодию: голоса, шум поезда, дрожь земли.

Закрываю глаза и понимаю, что совсем не волнуюсь. Как такое возможно? Почему я в состоянии здраво рассуждать, хотя две минуты назад боялась пошевелиться?

Звук нарастает. Меня начинает обдувать ветром. Земля трясётся, гравий прыгает из стороны в сторону: я его не вижу, но чувствую. Кто-то сверху внезапно кричит: «Пора!» Но я считаю, что рано. Я могу выстоять дольше. Я контролирую ситуацию.

Ветер становится сильнее. Звук больше не кажется мне громким. Может, это знак? Пора отходить?

Наверняка нет. Поезд ещё далеко.

– Лия! – вновь громко кто-то кричит, но я смело раскидываю руки в стороны.

Почему я так давно не испытывала этого чувства? Чувства безумной свободы! От него кружится голова и подгибаются колени. Хочется кричать от радости, смеяться, ловить ртом снежинки и купаться под дождём. Мне хочется жить так, как хочется, а не так, как нужно. И всё это проносится в моей голове в тот миг, когда грохот поезда становится невыносимо громким. Я не обращаю на это внимания, так же искренне улыбаюсь, слышу дикий крик, и тут меня что-то отталкивает в сторону.

Я грубо приземляюсь на гравий, лицо обдаёт сильный поток ветра. Ошеломлённо открываю глаза и вижу, как в пятидесяти сантиметрах от моих ног проносится несколько сцепленных вагонов.

Руки жжёт, щека горит, плечо начинает пульсировать, словно один гигантский нерв, но я забываю об этом. Я поворачиваю голову в сторону и вижу парня. Он лежит рядом, потирая колено и тяжело дыша. Его лицо кажется мне знакомым, но я не могу сообразить, почему.

– Ты спас меня, – шепчу я и судорожно сглатываю. – Спасибо, я забылась. Я просто переоценила себя.

– Идиотка, – отрезает он, и мы встречаемся взглядами. Тёмно-синие глаза: вчера они казались мне чёрными. Теперь я узнаю его. – Забыла, что я тебе сказал? Не возвращайся сюда!

– Так это ты! – Я взрываюсь и хочу резко встать, но тут же неуклюже валюсь обратно на землю. Тело до сих пор болит, и я опять забыла об этом. – Это ты избил меня вчера!

– И тебе, кажется, мало.

– Придурок! – Я отталкиваюсь от него ногами. – Надеюсь, ты счастлив? Победить девушку так благородно.

– Да, счастлив.

– Безмозглый кретин!

– Безмозглая дура! Я что тебе сказал? А? Я сказал тебе не возвращаться!

– Ну теперь мы будем видеться часто, – ядовито протягиваю я и улыбаюсь.

Откуда во мне столько злости? Наверное, боль делает с человеком ужасные вещи.

– С чего вдруг, чужачка?

– Тебе придётся придумать мне новое прозвище, потому что сегодня я поменялась местами со своей сестрой и стала членом вашей «стаи».

– Что? – В его вопросе столько ужаса, что я замолкаю. Боится? Я такая страшная? – Ты в нашей стае?

– Да. Я пройду инициацию и буду твоей коллегой.

– Если пойдешь, – рычит он и смотрит на меня глазами, полными гнева. – Такими темпами ты умрёшь, а я больше не собираюсь спасать тебе жизнь.

– Я тебя не просила этого делать.

– Повторишь эти слова, когда поезд переедет тебя.

– Макс! – внезапно кричит с платформы Шрам и обеспокоенно машет руками. Мы одновременно поднимаем головы и замираем. – Убирайся скорее отсюда! Нас засекли.

Только сейчас я замечаю панику на перроне. Все зрители, как дикие молекулы, разбежались в стороны, бросив пиво, одежду и даже бросив друг друга. Теперь каждый сам за себя: вот вам и свобода, бесстрашие и самоотверженность.

– Чёрт, полиция, – отрезает Максим и срывается с места.

Он бежит вдоль рельсов, и я понимаю, что должна следовать за ним. У меня нет другого выхода.

Я поднимаюсь на ноги, но делаю это слишком медленно – парень уже далеко. Затем глубоко вдыхаю и начинаю бежать. Боль с каждым шагом отдается в висках, затрудняет движение и заставляет меня жмуриться, громко выдыхать, сжимать кулаки. Через несколько секунд к ноющим мышцам добавляется холод. Ветер настолько ледяной, что я едва чувствую пальцы ног. Безысходность накрывает меня с головой, я слышу голоса полицейских и как один из них кричит, что на рельсах есть девушка. Испуганно понимаю: меня заметили.

Испустив судорожный крик, я делаю рывок вперёд, но неожиданно спотыкаюсь и падаю на больное плечо. Хруст. Перед глазами фейерверком взрываются звезды, я моментально теряюсь в пространстве и открываю рот, чтобы вдохнуть, но вместо этого из меня вырывается тихий стон. Сжимаю плечо, крепко закрываю глаза и чувствую, как по щекам льются слёзы. Такой боли я ещё никогда не испытывала.

Слышу приближающиеся шаги. Бежать поздно, конец. Обессиленная, откидываю назад голову, готовясь сдаться. Я проиграла, опять проиграла! Но вдруг моё тело резко поднимается.

– Держись, – командует знакомый голос.

Открыв глаза, я понимаю, что нахожусь на спине Макса. Он снова помогает мне, и теперь мне всё равно, почему. Вместо злости я чувствую огромную благодарность, обхватываю здоровой рукой его плечи и прижимаюсь ещё теснее, чтобы ему стало полегче.

Парень бежит быстро. Настолько быстро, что полицейские остаются позади. Убедившись, что погоня прекратилась, Максим притормаживает под мостом и опускает меня на землю. Выглянув из-за угла, он возвращается и восстанавливает дыхание.

– Ты не такой безмозглый, как я думала, – признаюсь я и вновь жмурюсь. Кажется, на этот раз я отделалась не так легко, как хотелось бы.

– Что с тобой?

– Плечо, – я скатываюсь по холодной стене моста и откидываю назад голову. – Я слышала хруст, когда упала на рельсах. Наверное, что-то выбила.

– Дай посмотреть.

– Не надо.

– Боишься? – улыбается парень.

– Ещё бы, – огрызаюсь я. – Ты ведь такой страшный.

– Тогда на секунду забудь о своей гордости. Я просто посмотрю.

– Да что ты в этом понимаешь? Парень-лихач и одновременно доктор наук?

– Ты почти угадала, – саркастически протягивает он. – Я пока не доктор наук, но не прочь им стать.

Удивлённо вскидываю брови, когда Максим садится напротив меня.

– Хочешь сказать, что ты учишься в институте?

– А почему бы нет? – Парень аккуратно протягивает ко мне руки, и я, прикусив губу, подвигаюсь им навстречу. – Лечебный факультет. Уже третий курс.

– Ничего себе! И кем ты планируешь стать?

– Хирургом.

– Не повезло, – заключаю я. – Мои родители – доктора. Поверь, ничего хорошего в этой профессии нет.

– Разве? – Макс аккуратно ощупывает мой локоть, ключицу, лопатку и тяжело вздыхает. – Если бы всё было так плохо, я бы не смог сказать, что с тобой.

– А ты можешь?

– Да. Ты вывихнула плечо, чужачка. Надо ехать в больницу, иначе утром не сможешь даже шевельнуть рукой.

– Чёрт, – я слегка ударяюсь головой о стену. – Только этого мне не хватало.

– Не надо лезть куда тебя не просят.

– А что ты предлагаешь мне делать? – с горячностью спрашиваю я. – Думаешь, мне нравится быть среди вас и рисковать жизнью?

– Судя по тому, как ты ждала своей смерти на рельсах, да. Тебе определённо это нравится.

Я собираюсь ответить, но замолкаю. Он прав. Что-то в моих поступках пахнет лицемерием. Если раньше я могла с уверенностью заявить, что пришла в «стаю» из-за сестры, то сейчас могу лишь признаться, что получаю от адреналина удовольствие.

– Возьми, – неожиданно Максим снимает с себя пальто и протягивает его мне. – Оденься, ты вся дрожишь.

– Хватит, иначе я решу, что ты хороший парень.

– Так и есть.

– На самом деле нет, – я язвительно улыбаюсь. – Хорошие парни не бьют девушек.
– Оденься, – проигнорировав мою реплику, повторяет он. – Обморожение не пойдёт на пользу твоему вывихнутому плечу.

Я выдергиваю верхнюю одежду из его руки и недовольно выдыхаю:

– Спасибо.

– Не за что, – передразнивает меня он. – Готова идти, чужачка?

– Готова.

С трудом поднимаюсь на ноги и пошатываюсь назад. Голова кружится, конечности наливаются свинцом. Мне бы сейчас уснуть прямо здесь, под мостом, а затем продолжить путь, но я не могу. Максим стоит, ждёт, смотрит на меня, и приходится выглядеть сильной.

Он закатывает рукава пуловера и тяжело выдыхает:

– Моя машина недалеко отсюда. Главное – выйти с вокзала и не наткнуться на копов.

– Ты знаешь, как это сделать?

– Пока нет, – Макс протирает лицо рукой. – Но я думаю, что стоит попробовать обойти вокзал с другой стороны.

– А что, если нас окружили?

– Тогда придётся снова бежать, что невыгодно для тебя, чужачка. Поэтому молись, чтобы полицейские оставались такими же тупыми, как прежде.

Я киваю и вдруг замечаю на его запястье татуировку. У меня сердце подпрыгивает и делает сальто. Я непроизвольно приближаюсь к парню и тяну его к себе за руку.

– Что это? – ошеломлённо восклицаю я и рассматриваю английскую букву V. – Откуда она у тебя?

– Полегче.

– Я спрашиваю, что это? – У меня, наверно, глаза выглядят дикими. Я смотрю на тату и едва сдерживаю внутренний вопль. – Что это значит? У меня похожая тату. Вот, смотри. – Я медленно засучиваю рукав больной руки и показываю Максиму W. – Но я не помню, откуда она у меня.

– Не помнишь? – Парень усмехается. – Как это?

Немного помолчав, я отрезаю:

– Неважно. Не твоё дело.

– В таком случае и это не твоё, – он опускает рукава свитера и ухмыляется. – Узнаешь у кого-нибудь другого в следующий раз.

– Неужели так трудно сказать?

– Да, трудно.

Я обиженно отворачиваюсь. Наконец я нахожу нечто из моей прошлой жизни, но мгновенно теряю.

– Чужачка, нужно идти. – Максим выходит вперёд и оглядывается по сторонам.

– Вообще-то меня Лия зовут, – отрезаю я. – Не чужачка, а Лия.

– Ясно.

– Попытайся запомнить.

– Попытаюсь.

Словно нахожусь рядом с куском металла. Он такой холодный, что к нему страшно приблизиться. Однако если пересиливаешь себя и прикасаешься – чувствуешь гладкую ровную поверхность, на которую можно опереться, за которой можно спрятаться.

Я иду, смотрю на Максима и нахожу его довольно высоким. По сравнению с ним я маленькая, низкая, тощая и слабая. Так и есть на самом деле. Волосы парень давно не стриг, черные пряди торчат в разные стороны, но почему-то смотрится это не слишком ужасно, просто поразительно. Обычно люди с такой причёской выглядят нелепо.

– Хочешь просверлить глазами дыру в моей спине? – спрашивает на ходу Макс, и я смущённо опускаю глаза вниз.

– Тебе показалось.

– Разве?

– Да.

Парень снова усмехается.

– Почему ты послушалась меня и вернулась? – через несколько минут спрашивает он, и мы сворачиваем.

Открывается вид на площадь перед вокзалом. Машины полицейских стоят только там, так что мы легко проходим с другой стороны незамеченными.

– Потому что я спасала свою сестру, – заученно отвечаю я.

– А она считает это спасением?

– Какая разница? – устало протягиваю я. – Потом скажет спасибо.

– А если не скажет?

– Хотя бы останется живой.

Макс приближается к чёрному BMW и открывает мне дверь.

– Сначала в больницу, потом домой.

Я удивлённо вскидываю брови и прикусываю губу.

– Что за чёрт? Почему ты такой вежливый? Откуда забота?

– Не задавай лишних вопросов, просто садись и поедem уже.

– Но я должна знать.

– Ты ничего не должна знать, – громче отрезает парень и проводит рукой по чёрным прямым волосам. – Есть вещи, которые делаешь, потому что делаешь. Не знаешь, почему, просто не можешь по-другому.

– Дай угадаю. Из жалости? – огрызаясь, протягиваю я и смотрю на Макса. Если бы он не был безмозглым придурком, он бы мне понравился.

– Да, – резко отвечает он. – Именно так. Из жалости.

Больше я не говорю ему ни слова.

Сажусь в машину. Мы молча едем до больницы, и я говорю, что найду родителей, они отвезут меня домой. Максим соглашается, уезжает, но я, не доходя до больницы, разворачиваюсь и иду к остановке. Ещё не хватало, чтобы мама с папой увидели вывих плеча!

Переживу как-нибудь.

Глава 3. Жизнь в стае полна приключений

Дверь мне открывает Лёша. Он выглядит уставшим и измученным. Вряд ли я смотрюсь лучше.

– Что с твоей рукой? – взволнованно спрашивает он, и я непроизвольно прижимаю локоть ближе к груди. – Тебя снова кто-то обидел?

– Нет.

– Что же произошло?

– Упала, – я выдыхаю и прохожу в квартиру. – Бежала от ментов, рухнула на землю и вывихнула плечо.

– Что? Убегала от полиции?

– Да. Жизнь в стае полна приключений.

Я подхожу к зеркалу, убираю назад волосы и ошеломлённо замираю. Только сейчас до меня доходит, что я не вернула Максу пальто.

– Тебя засекли?

– Не думаю. Я успела оторваться. – Я помалкиваю о моём спасителе, хотя в глубине души понимаю, что Максим меня именно спас. – Села на автобус и приехала домой.

– А что за пальто? – Лёша подозрительно щурится. – Пробежалась перед этим по магазинам?

– Астахов, что за допрос? – Парень помогает мне снять верхнюю одежду, и я, совсем без сил, двигаюсь в сторону зала. – Я вернулась? Вернулась. Жива? Жива. Значит, всё не так плохо.

– Лия, тебе нужно в больницу. Вдруг с рукой что-то серьёзное.

– И что мне сказать родителям? Мама, папа, я убегала от полиции и случайно вывихнула плечо?

Лёша протирает уставшее лицо.

– Лучше так, чем потом не чувствовать руку.

– Лучше никак, чтобы потом не получить от предков, – я киваю в сторону комнаты сестры и неуверенно поджимаю губы. – Как она?

– Со мной не разговаривает, – отрезает Лёша. – Сначала билась в истерике, даже пыталась выпрыгнуть из машины на ходу, но потом успокоилась. Наверное, устала.

– Мне не нравятся перепады в её настроении. То она готова всех растерзать, то впадает в апатию. Может, Карина принимает что-нибудь?

– Например?

– Ну я не знаю. Что сейчас модно среди малолеток? Таблетки, обезболивающее...

– О да. Ещё скажи, что твоя сестра наркоманка.

– Я не знаю, что сказать, – признаюсь я и медленно выдыхаю. Дышать по-прежнему тяжело, а плечо постепенно теряет чувствительность. Поначалу мне казалось, что не испытывать боль – отличный выход из положения, но сейчас я готова ощущать колики, резь, ноющую пульсацию, что угодно, лишь бы понимать, что моё плечо способно двигаться. – Я должна поговорить с ней.

– Уверена, что должна? – сомневается Астахов. – Карина вряд ли в настроении.

– Плевать. Если не поговорю с ней сегодня, поговорю завтра. Зачем тянуть?

Лёша помогает мне встать с дивана, и я благодарно киваю:

– Иди домой. Ты сделал всё, что мог.

– Не всё, раз ты еле ходишь, а твоя сестра заперта в комнате.

– Перестань, – я взъерошиваю волосы друга и улыбаюсь. – Спасибо, что не бросил Карину. Спасибо, что побыл с ней до моего прихода. А сейчас отдыхай. Я же вижу, какой ты уставший, меня мучает совесть.

– А она у тебя есть?

– Очень смешно! – Я подталкиваю парня к выходу и наблюдаю, как он одевается. – Езжай осторожно и не торопись.

– Хорошо, мамочка.

– Иди уже!

Я смеюсь, закрывая дверь. Астахов – не мой герой и не таинственный спаситель, а обычный человек со своими страхами и слабостями. При всём этом он остается моей единственной опорой. Кроме него, никто не знает о Карине и её проблемах. Так что тот факт, что он до сих пор с криками не убежал от меня, говорит о многом.

Я громко выдыхаю и подхожу к шкафчику. Достāju аптечку. Нахожу йод. Покрываю сеткой живот, край подбородка и плечо. Может, к утру станет полегче? Слава богу, завтра выходной.

Покончив со своей реанимацией, прячу аптечку и иду в комнату сестры. Не думаю, что удастся хорошо поговорить, но в глубине души я на это надеюсь.

Стучусь.

– Карина? – Сестра лежит в постели. Её спутанные волосы свисают с кровати. Они светлые, почти золотистые. Я мечтала о таких, но имею противоположность. – Ты спишь? – Она не отвечает. – Нам надо поговорить.

– О чём? – неожиданно хрипло протягивает она. – О том, что ты слишком много о себе возомнила?

– О том, почему я решила пройти инициацию вместо тебя.

– Мне неинтересно.

– Ты меня выслушаешь, хочешь этого или нет, – я включаю свет и сажусь рядом с сестрой на кровать. Карина не поворачивается, и я не вижу её лица. Но уже по голосу ясно: она плакала всё время, пока меня не было рядом. – «Стая», может, и кажется тебе хорошей компанией, а на самом деле это опасная банда. Люди причиняют вред своему здоровью, порой умирают. Зачем тебе так рисковать? Ради чего?

– Какая разница, что я делаю? – срывающимся голосом спрашивает она. – Это не твои проблемы!

– Ты ошибаешься. Всё, что касается тебя, касается и меня.

– Но почему? – Внезапно сестра резко поворачивается и смотрит мне в глаза так зло и с такой обидой, что мой живот сжимается и начинает болеть. – Почему ты вдруг решила, что имеешь право управлять моей жизнью? Это мой выбор! Моё желание! И мне плевать, что ты думаешь!

– А как же родители? – Я пытаюсь защититься. – Ты о них вспомнила? Они с ума сойдут, если узнают, где ты шляешься!

– Им не впервой сходить с ума, – ядовито протягивает она.

– Неужели?

– Может, ты забыла прошлый год, но это не освобождает тебя от ответственности. Папа с мамой не удивились, когда тебя привезли в больницу полуживой. Они знали, что рано или поздно лёд, по которому ты идешь, провалится у тебя под ногами, и ты сорвёшься в пучину.

– О чём ты говоришь? – Я смотрю в изумрудные глаза сестры, но вижу в них лишь злость и гнев. Ни намёка на здравомыслие. – Не придумывай чушь!

– Чушь? Это ты не витай в облаках! Лия хорошая, Лия милая, Лия правильная и ответственная. – Карина фыркает и восклицает: – Бред! Пусть они и дальше обманывают тебя,

себя, кого угодно. А мне надоело! Я не стану перед тобой отчитываться, потому что ты не лучше остальных!

Её слова обескураживают меня. Я в такой дикой растерянности, что не знаю, как реагировать.

– Я не понимаю, о чём ты.

– Неудивительно. Ты ничего не понимаешь!

– Так объясни!

– Не собираюсь тратить на тебя своё время, – холодно отрезает Карина. – Ты решила занять моё место? Отлично! С этого момента мне плевать на тебя. Не ценишь меня, и я не буду ценить тебя.

– Не ценю тебя? – взрываюсь я. – Ты спятила? А кого я вытащила из куба и вернула с того света? Кого я сберегла от проверки нервов на железной дороге?

– Дешёвые оправдания.

– Оправдания? – От её слов мне становится больнее, чем от гематомы на плече. Я чувствую, как переносица покалывает и подкатывают слезы. – Считаешь, это оправдания?

– А что это, по-твоему? – Карина встаёт с кровати и подходит к зеркалу. Она берет расчёску и начинает водить ею по своим золотистым волосам. – Моя старшая сестра возмнила себя классной. На самом деле ты такая же девушка, как все остальные. Не думай, что одно моё спасение загладит твою вину.

Меня тошнит от её слов.

Как она может такое говорить? Как смеет?

Вместо слёз меня накрывает волна гнева. Я резко подрываюсь с кровати и подлетаю к Карине. Она пугается моего порыва, разворачивается ко мне лицом и врезается спиной в зеркало. Её глаза испуганны, мышцы напряжены. Пусть она хочет это скрыть – я вижу. Я вижу, что она меня боится, что она в панике. В этот момент у меня возникает странный вопрос: кем я была до потери памяти, если даже моя родная сестра испытывает ужас, находясь рядом?

Неожиданно я замечаю своё отражение: дикие зеленые глаза, острые скулы. Я растерянно отступаю назад и бегу вон из комнаты, хлопнув за собой дверью так сильно, что эхо разносится по квартире.

Этой ночью я не сплю.

Завариваю себе кофе, надеваю, несмотря на жару, толстый свитер и сижу на кухне. Проходит несколько часов, когда я решаю сдвинуться с места. Правда, лишь для того, чтобы вылить остатки холодного напитка и заварить новый.

Слова Карины штурмуют мой мозг и разрушают один стереотип за другим. Сначала я думаю, что она специально наговорила кучу глупостей, желая задеть меня и вывести из себя. Потом вспоминаю, как чуть не вывернула Лёше руку и с каким удовольствием стояла на рельсах. Меня бросает в холод. Приходится допустить вариант сестры и рассмотреть его со всех сторон. Возможно, в прошлом году я действительно принесла много бед родителям. Но почему они никогда мне о них не рассказывали? Зачем скрывать? Где остатки целого года? Фотографии, записи, видео. Почему есть я 13 сентября 2011 года и я 8 августа 2012 года? Куда делся огромный промежуток времени?

Я громко ставлю чашку с кофе на стол и пугаюсь этого звука. Прикрываю глаза и пытаюсь ровно дышать. Но успокоиться не могу: странные чувства раздирают меня на куски. Я борюсь с паникой, со страхом, с ужасом и в то же время горю безумным желанием узнать правду. Что на самом деле произошло со мной год назад?

Внезапно я слышу, как открывается входная дверь, и машинально смотрю на часы. Около четырех утра. Родители как раз вовремя.

Ставлю чашку в раковину и выхожу в коридор. Мама снимает ботинки, вешает своё пальто и замечает меня. Её глаза округляются, становятся выразительными, большими. Она удивлённо вскидывает брови:

– Не поздно ли ты бродишь по дому? Спать не думала?

– Мне не хочется.

– Опять живот болит? – спрашивает папа и подходит, чтобы поцеловать меня. – Может, примешь таблетку?

– Не стоит.

– Стоит.

– Нет. На самом деле я хочу с вами поговорить. – Слова еле слышно слетают с губ. Приходится взять себя в руки и перестать бояться.

– О чём?

– Обо мне.

Мама проходит в зал и устало выдыхает:

– А нельзя отложить разговор до утра? Я ужасно вымоталась.

– Так уже утро, – невинно протягиваю я и протираю лицо ледяными руками. – Я не займу много времени.

– Что-то случилось? – Папа снимает с запястья часы. – Проблемы в школе?

– Нет, в школе всё хорошо. Я по другому поводу.

Мама плюхается на диван, папа останавливается в проходе между кухней и спальней: ждет, смотрит на меня. Наверняка он заинтригован.

– Сегодня я поссорилась с Кариной. – Родители одновременно тяжело выдыхают, поэтому я быстро добавляю: – Даже не спрашивайте, почему. Ссоры между сестрами – обычное дело.

– Тогда почему ты хочешь поговорить об этом с нами? – зевая, спрашивает мама. – Карина обидела тебя?

– Нет, конечно. – Я сильно прикусываю губу. Хочется закричать: «На самом деле да. Она ужасно меня обидела, оскорбила и предала», – но я выдыхаю. Родителям об этом знать необязательно. – Слово за слово, и мы перешли на личности. Орала друг на друга, кричали, и вдруг Карина заявила, что я... – нервно усмехаюсь, обхватив себя руками за больной живот. – Что я накуролесила в последний год, который не помню.

Мама бледнеет, папа отходит от стены и медленно присаживается в кресло.

– Она соврала? – Я судорожно выдыхаю. – Или нет?

Родители молчат, и у меня внутри взрываются друг за другом все органы. Неужели правда? Мне становится плохо. Я упираюсь спиной в шкаф и прикрываю глаза. Пожалуйста, скажите, что это сон. Пожалуйста.

– Я... – Мама шумно выдыхает. – Поверить не могу, что она сказала тебе такое.

Смотрю на нее. Она трёт друг о дружку ладони и нервно моргает.

– Мне в голову никогда не приходило, что Карина может так поступить.

– Я не понимаю.

– А что тут понимать? – вмешивается папа. – Твоя сестра решила задеть тебя и затронула именно ту тему, которая причиняет боль. Хочешь ответов? Ты всегда была примерной девушкой, никогда не приносила проблем, училась в школе, помогала, когда мы были на работе. Я не помню ни одного раза, чтобы мне приходилось краснеть из-за тебя.

– Твоя сестра перешла все границы, – дополняет мама. – Не думала, что она способна на такое. Из-за чего вы хоть поссорились?

– Теперь это неважно.

С моих плеч падает такой огромный груз, что я пьяно пошатываюсь назад.

– Карина неправа, – серьёзно отрезает папа. – Но ты не обижайся на неё. Она сказала сгоряча. Так что помиритесь и забудьте об этом.

– Мы так и сделаем, – заверяю я. – По крайней мере попытаемся.

– Что ж, отлично, – мама вновь зевает и встает с дивана. – Не ссорьтесь, Лия. – Она обнимает меня и медленно уходит в сторону спальни. – В жизни мало людей, на которых можно положиться. Вам остается лишь радоваться, что вы есть друг у друга.

Я киваю.

– Спокойной ночи, – папа целует меня в лоб. – И не забудь помыть за собой чашку.

– Да, конечно.

Улыбаясь, он уходит, а я стою в зале, радуясь, что мои опасения не подтвердились.

Утром я не могу пошевелить левой рукой. Морщусь, встаю, подхожу к зеркалу и шумно выдыхаю: плечо покрылось отёками и покраснело.

– Чёрт! – Я испуганно моргаю. – Чёрт, чёрт!

От безысходности начинаю тереть ладонью опухшее место, надеясь, что это поможет. Но как? Бессмыслица! Судорожно набираю в легкие воздух и сглатываю. Нужно что-то сделать, иначе моя глупость превратится в нечто более опасное.

Здоровой рукой я хватаю со стола телефон и набираю номер Лёши. Астахов тут же отвечает:

– Лия? Что-то случилось?

– Ну как сказать, – я вновь осматриваю в зеркале синеватое плечо. – Знаешь, кажется, мне нужна помощь.

– Мне приехать? – Серьёзный тон друга успокаивает меня: Астахов сумеет помочь. Я уверена.

– Да, пожалуй.

– Буду минут через пятнадцать.

Тут же раздаются гудки, и я буквально вижу, как Лёша срывается с места, начинает метаться по своей маленькой комнате. Он всегда был ответственным, правильным, педантичным. Иногда мне кажется, что у нас с ним огромная разница в возрасте, будто он мой старший брат, хотя мы ровесники.

Через силу надеваю свитер. Ужасно больно. Когда я поднимаю руку, в голове взрываются краски, глаза непроизвольно закрываются, и становится так паршиво, что тошнит. Может, у меня не вывих? Вдруг, упав, я что-то сломала? Какая-то косточка нашла на другую косточку, и теперь мне ампутируют руку.

От этих мыслей становится ещё хуже. Тяжело дышу, хожу ещё тяжелее. Минут за десять я едва расправляюсь с одеждой. Это я не добралась до пальто... Максима. Что самое интересное. Так как своё я отдала Кире.

Глубоко вдыхаю воздух и выхожу из комнаты. В глубине души я надеюсь, что родители ещё спят, но, едва моя нога ступает за порог, замечаю маму на диване.

– Уже проснулась? – удивляется она и, оторвав взгляд от книги, снимает очки. – Куда-то собралась?

– Да, – мне становится очень жарко. – Лёша позвал прогуляться.

– Прогуляться так рано?

– А почему нет?

Я прохожу в коридор и прячусь за угол. Лишь бы мама не увидела, с каким трудом я надеваю чужое пальто!

– И куда вы пойдете? – Я слышу, как она поднимается с дивана, и просовываю руки в дырки быстрее, чем можно. Дикая боль пронзает спину, и я неуклюже закидываю назад голову. – Тебе нужны деньги?

– Нет. Я не думаю, что они понадобятся. Если что, Лёша разберётся.

Мама, наконец, подходит ко мне, и я замечаю странный взгляд. Очень странный. Сначала мне кажется, что она знает мой секрет, сейчас грубо стянет с меня пальто и наорет за то, что я не рассказала ей о вывихе плеча. Но потом до меня доходит, что дело в другом.

– А где твоё пальто?

– Я его у Лёши забыла, – вру я. – Он вчера довёз меня до поворота, заметил, что я належке и отдал своё пальто, чтобы я не шла до дома по морозу.

– Хмм. Даёт тебе свою верхнюю одежду, собирается платить за тебя на утренних прогулках...

Я не нахожу в себе сил сдержаться и начинаю хихикать, как идиотка.

– Мам, – протягиваю я. – О чём ты? Это же Астахов.

– Ну и что? – Она растерянно поджимает губы. – Он хороший мальчик, и я совсем не против, если...

– Никаких «если»! – перебиваю я и даже благодарю за подобное отступление от темы. Смех помогает забыть о боли. – Не выдумывай. Он мне как брат.

– Не каждый брат зовет девушку *прогуляться*. Задумайся над этим, Лия. Дружбы между мужчиной и женщиной не существует, так что не строй себе воздушных замков. Как бы потом не оказалось, что ты сильно ранишь его.

– Мам, – я закатываю глаза. – Не знаю, что там за правило, будто противоположности не могут дружить, для меня это чушь. Мы с Астаховым – родственные души, и уж точно не планируем свадьбу, детей, внуков.

– Я тоже ничего не планировала, а потом...

– Хватит! Я не могу это слушать! – Меня пробирает смех, и я начинаю двигаться к двери. – Больше не слова.

– Ох, ну как хочешь, – кажется, мама обиделась, но, вообще, это трюк. На самом деле она хочет, чтобы я развила тему, проговорила. Но я слишком взрослая для таких уловок.

– Если что, позвоню тебе. Пока!

– Не задерживайся.

Прежде чем закрыть дверь, я слышу её вздох: попытка не удалась.

Спускаясь по лестнице, улыбаюсь и никак не могу осознать то, что произошло минуту назад. Мама решила, будто я и Лёша вместе. Но ведь это смешно. Он мне как брат, да и знаем мы друг друга с детства. Неужели такие люди могут сойтись, а потом ещё и прожить вместе?

Ужас какой! Выйти замуж за собственного брата.

Я корчусь и выхожу из подъезда.

«Рено» Астахова уже стоит во дворе, и я облегчённо выдыхаю. Парень выходит из машины и стремительно двигается ко мне. Он взволнован и как всегда серьёзен.

– Что случилось? – на выдохе спрашивает он. – Карина? Родители?

– Мое плечо, – улыбаюсь я и прикусываю губу. – Ты оказался прав: я должна была сходить в больницу. Сегодня утром оно распухло, я еле шевелю рукой.

– Лия...

– Давай пропустим ту часть, где ты отчитываешь меня, и сразу приступим к делу. Я думала заехать в больницу.

– В какую? Если мы заявимся на работу к твоим родителям, им скажут, что ты приходила.

– Значит, поищем другую поликлинику. В Питере куча больниц.

– Но не в каждой из них тебя примут. Ты взяла паспорт, полис, карточку?

– Да.

– Что ж, поехали. – Лёша открывает мне дверь, и я аккуратно присаживаюсь на пассажирское сиденье. В машине как всегда пахнет кофе. Этот запах ассоциируется у меня только с Астаховым. – На самом деле твои предки всё равно узнают правду.

– Надеюсь, что нет.

– Но как ты собираешься это скрывать? – Парень пристегивается, нажимает на газ, и мы медленно двигаемся с места. Я тоже хочу пристегнуться, но потом понимаю, что ремень сильно передавит руку. – Если вывих несерьёзный, – продолжает Астахов, – придется носить повязку, если серьёзный – делать операцию. В любом случае, твои родители – доктора и заметят неладное. Тебе так не кажется?

– Не нуди, – растерянно отвечаю я и прижимаю руку к груди. – Возможно, у меня и вывиха нет. Просто сильно ударилась.

– Ну да.

– Лёш, мне и так не по себе. Давай не говорить о плохом.

– Как хочешь, – протягивает Астахов. – Моё дело – предупредить.

Я тяжело выдыхаю и слатываю. Паршивая ситуация. Лишь бы Максим был неправ и сказал вчера о вывихе для того, чтобы напугать меня.

Провожу здоровой рукой по пальто. Оно большое, тёплое, и мне почему-то кажется, что я его уже где-то видела: черное, длинное, мягкое. Хочется закутаться в него, чтобы внутрь не пробрался ни один порыв ветра. По мне пробегают электрические разряды: нотки мяты заполняют лёгкие, едва я вдыхаю запах, которым пахнет воротник.

– Так откуда у тебя это пальто? – Лёша как всегда вырывает меня из мыслей, и я поднимаю голову. – И где ты посеяла своё?

– Его забрала Кира, чтобы я смогла быстрее двигаться на испытании. А потом вокзал окружили менты. Пришлось убегать. Было холодно, и Максим вдруг решил стать милым.

– Максим?

– Да, тот высокий черноволосый парень, который избил меня. Хотя о чём это я? – Я саркастически выдыхаю. – Тебя ведь не было рядом, и ты не знаешь, о ком я говорю.

– Опять ты начинаешь...

– И никогда не закончу. Ты заслуживаешь длительного выноса мозга.

– Ну конечно. Как Лёша сделает что-то хорошее, всем плевать. А как он проколется, век ему быть проклятым.

– Такова жизнь. Люди помнят лишь плохое.

– Неправда, – Астахов поворачивается и с нежностью смотрит в мои зелёные глаза. – Я помню и хорошее.

Мне становится неловко. Что-то проносится между нами, что-то странное. Мы смотрим друг на друга слишком долго – неприлично долго. Я заправляю локон угольных волос за ухо и неуклюже отворачиваюсь. Чувствую, как горят щеки и вспотели ладони. Только вряд ли это от смущения. Скорее, мне просто не по себе.

– Ты всегда так делала, – прервав молчание, отрезает Лёша.

– Как?

– Отворачивалась и краснела, будто девочка, загнанная в угол.

– Я не понимаю, о чём ты, – эта фраза настолько мне надоела, что я произношу её с легким раздражением.

– Ты всё прекрасно понимаешь. Просто не помнишь.

– Что ты имеешь в виду? Как это понимаю, но не помню?

– А как ты думаешь? – Лёша сжимает руль, и костяшки его пальцев бледнеют. Он стискивает зубы, лицо напрягается. – Как ты думаешь, о чём я? Всё настолько банально, что даже догадываться нет необходимости.

– Поверь мне – есть, – я недовольно смотрю на друга. – Если было что-то, о чём я забыла, не тяни резину и расскажи. Хватит тайн и намеков! Родители, Карина, ты – вы все надоели со своими секретами. Говорите напрямую, что имеете в виду, или молчите.

– Легко тебе говорить.

– Легко? Мне легко? Астахов, лучше не зли меня.

– Конечно, тебе легко. – Лёша протирает свободной рукой лоб. – Ты забыла очень многое, Лия, и это замечательно. Поверь мне, это просто прекрасно, потому что твой прошлый год был полон плохих вещей, и я рад, что ты избавилась от них.

Я замираю: вот подтверждение слов сестры и обмана родителей.

– Что я натворила? – вопрос сам слетает с губ. – Что я сделала?

– Ты – ничего.

– Тогда о чём речь?

– О том, что тебе не повезло. Ты просто-напросто попала в *плохую компанию*.

Он делает ударение на последнем словосочетании, и я чувствую, как примерзаю к месту. Его лицо искажает гнев, я вжимаюсь в сиденье и внезапно понимаю, что в глубине души знала ответ на все свои вопросы.

– И что же это значит? – Внутри разгорается костёр. Я говорю тихо, но мне хочется кричать во всё горло. – Хочешь сказать, я была связана со «стаей»? Так?

Лёша поворачивается ко мне, и я смотрю в его тёплые зелёные глаза. Они полны сожаления, сочувствия, беспокойства, и мне становится паршиво. Эта жалость во взгляде окружающих начинает сводить с ума!

– Ответь.

– Лия...

– Просто ответь мне!

Парень выдыхает, открывает рот, но не успевает сказать ни слова.

Перед машиной появляется огромное рыжее пятно, Астахов с криком резко выворачивает руль, и мы парим. Я чувствую невесомость каждой клеточкой своего тела. Волосы вспыхивают пламенем вокруг шеи, сумка взлетает перед лицом и ударяется о крышу автомобиля. Мысли сталкиваются, переплетаются, взрываются. Перед глазами всё плывет, предметы летают в салоне, как в космосе, и я вдруг думаю о ремне безопасности. Но это длится мгновение. Мысль ускользает так же быстро, как опора под ногами. Я слышу свой крик, вижу впереди столб и лечу ему навстречу.

Глава 4. Секреты в моей голове

Кто-то поднимает мою голову и сжимает руку настолько сильно, что мне становится больно.

– Нет! Лия! – звенит голос. – Лия!

Я пытаюсь раскрыть глаза, но не могу.

– Стас! Вызови «скорую»! Стас!

Я чувствую, как холод сковывает ноги, поднимается по пояснице и выше, к животу, рукам, шее, голове. Меня тошнит, будто я несколько секунд назад парила в небе. Встав сейчас на ноги, я непременно упала бы. Но мне не грозит эта проблема. Я не встану. Следовательно, и не упаду.

– Стас! – продолжает кто-то кричать не своим голосом. Меня поднимают с асфальта. – Где он? Позовите Стаса!

Мы куда-то бежим. Боль отдаёт во всех участках тела, особенно в голове. Я буквально чувствую, как рана на виске расширяется, трещит, превращается в дыру.

– Держись, – ласково произносит кто-то, и я чувствую тепло. Меня укрывают чем-то тяжёлым и горячим. Запах мяты взрывается в голове. – Ты только держись, любимая. Прошу тебя, держись. Не засыпай.

Но я не могу выполнить обещание. Мне хочется, но я не могу.

Теплота в голосе согревает и даёт надежду, правда сейчас этого мало. Я удивляюсь новому тембру Астахова, чувствую резкую боль в голове и громко выдыхаю. Эхом повторяется: «Держись, держись, держись...» Я пытаюсь ухватиться за эти слова, но не могу.

Я проваливаюсь в темноту.

Удары ногой об асфальт пробуждают меня. Я вновь вижу, как толпа подростков стоит перед будкой в парке аттракционов, как она кричит, ликует, шумит и живёт. Шрам встаёт на пьедестал, осматривает «стаю» и с гордостью говорит о том, что ночь в нашем распоряжении. Снова ор, я закрываю руками уши, не могу вытерпеть этот хаос и хочу отойти назад, но вместо этого невидимые нити тянут меня вперёд. Сопrotивляясь, я цепляюсь руками за людей, прошу помочь, кричу, пытаюсь остановиться, но не могу ничего с собой поделать. Уже через несколько секунд я оказываюсь перед предводителем и смотрю в его широкие карие глаза. Он громко дышит, недоволен. Он хочет сказать мне что-то, но молчит. Я чувствую недоверие, гнев и обиду, правда, не могу понять, чем вызваны эти эмоции. Осознав, что Шрам говорить не собирается, я вновь пытаюсь убежать, и на этот раз мне удастся сорваться с места. Я расталкиваю толпу, бегу сквозь маленькие проходы, тяжело дышу, спотыкаюсь и внезапно оказываюсь на свободе. Я не останавливаюсь, не сбавляю темп, надеюсь, что уже далеко от «стаи». Но, когда поворачиваю голову назад, понимаю, что снова стою перед Шрамом. Паника. Я опять убегаю и снова оказываюсь перед предводителем. И опять... В конце концов, я уже не тороплюсь сбежать. Недоумение рвёт меня на части. Гнев бурлит в венах, не дает страху взять контроль. Я выпускаю яростный вопль и делаю шаг к Шраму, нас разделяют сантиметры.

– Что тебе от меня нужно? – Внезапно чувствую, как парень хватает меня за руку. Он крепко сжимает её, кладет себе на плечо и тихо выдыхает:

– Мне нужна правда.

Я резко открываю глаза, хочу встать, но не могу шевельнуться.

Знакомый запах заползает в ноздри, переворачивает внутренности, впитывается в кожу, и я еле удерживаюсь от крика. От безумства. От паники.

– Нет, – протягиваю я и осматриваю пространство вокруг. – Нет.

– Лия?

– Нет. Только не сейчас. Только не здесь.

– Лия!

– Не хочу! – Состояние безумной паники и незащитности. Я понимаю, что нахожусь не дома, и мне становится так страшно, что тело сковывает судорога. – Не хочу!

– Чего не хочешь, милая?

Я поворачиваю голову на голос и вижу маму. Она в белом халате, уставшая, поникшая. Сидит рядом со мной, сжимает руку. Поправив мои волосы, она снова спрашивает:

– Чего ты не хочешь, Лия?

– Не хочу забывать, – сквозь слёзы шепчу я и растерянно оглядываюсь. – Мам, я не хочу вновь всё забыть.

– О, дорогая моя, – мама притягивает меня к себе и обнимает так крепко, что я ощущаю покалывание в руках, спине и шее. Но мне страшно, а страх притупляет боль. Я вдруг начинаю плакать и судорожно вожу пальцами по маминым плечам, пытаюсь найти опору. – Всё хорошо, – протягивает она. – Ты ничего не забудешь.

– Но вдруг?

– Нет. Не в этот раз и никогда больше.

Я обнимаю маму ещё крепче и опять осматриваюсь.

Больница. Я запомнила запах лекарств, старой мебели и плесени с прошлого раза. Запомнила грязные белые стены, узкие кровати, пожилых людей и не всегда приветливых медсестёр. Запомнила абсолютно всё: от количества дыр на потолке в своей палате до цвета стен в регистрационном зале. Мне так хотелось впитать в себя новые впечатления и эмоции, будто они смогли бы заменить те чувства, что исчезли вместе с памятью. Но этого не случилось. Пустота и сейчас преследует меня. И будет преследовать до тех пор, пока я не узнаю всю правду о себе и о прошлом годе.

– Тебя поцеловал ангел, – неожиданно заключает мама, и я отстраняюсь, чтобы посмотреть ей в глаза.

– Разве?

– Так и есть. Ты могла умереть четыре месяца назад, ты могла умереть сейчас. Но, Лия, кажется, Господь следит за тобой и не позволяет тебе покинуть нас.

Я весьма скептически отношусь к Богу и религии, поэтому молчу. На самом деле, я прожила совсем мало и почти ничего не знаю о жизни. Конечно, мне ясен смысл веры и надежды, но в последнее время я начала убеждаться в том, что чудес не бывает. Судьбы как таковой не существует, иначе у человека не оставалось бы вариантов для решения тех или иных проблем. Ведь понятие судьбы отрицает понятие выбора. Поцеловал меня ангел или я просто удачно приземлилась, кто знает? Возможно, вера в Бога имеет какой-то вес, но я уверена, что это ничто, если нет веры в себя.

– Счастливица, – шепчет мама и гладит меня ладонью по щеке. – Опять решила напугать нас? Проспала шесть дней: шесть долгих тяжелых дней. Сейчас твое состояние стабилизировалось. К счастью, на тебе всё заживает как на собаке.

– Прости. На дороге что-то появилось. Кажется, это была девушка. – Я болезненно морщусь. – Рыжая девушка. Она стояла посередине трассы, а Лёша не успел среагировать и... – замираю, мои глаза расширяются, и я испуганно съеживаюсь. – Астахов, что с ним? Он пострадал?

– Не волнуйся. В отличие от тебя, Лёша пристегнулся и только ушиб колено.

Я выдыхаю:

– А что со мной?

– С тобой, как всегда, проблемы, – шутя, протягивает мама. – Лия, ты вылетела через лобовое стекло. – Её лицо омрачается, но она пытается сохранить улыбку. – Повредила плечо, живот, правую руку и...

– И?

– И голову. У тебя сотрясение.

– Сотрясение? – Я обеспокоенно осматриваю свои руки, словно ища на них признаки очередного ушиба головы. – Надеюсь, ничего серьёзного?

– Лия, любая травма головы серьёзная.

– Ты понимаешь, о чём я.

– Не волнуйся, – мама кивает. – Потеря памяти тебе не грозит. Полежишь в больнице несколько недель. Подлечишь плечо, а потом за тебя возьмётся мы с папой, уже дома.

– Несколько недель? – в ужасе расширяю глаза. – Но у меня скоро экзамен! Я должна ходить на занятия по вождению.

– Господи, о чём ты? Ты попала в аварию! Вылетела через лобовое стекло! Какое вождение? Какие экзамены? – Мама качает головой и встает с кровати. – Схожу к твоему отцу. Тебе пора принимать анальгин.

– Мам!

– Попытайся отдохнуть. И, пожалуйста, не вставай с постели. В любой момент голова может закружиться, ты упадёшь в обморок и повредишь себе ещё что-нибудь. Не рискуй.

– Я и не собиралась.

Мама выдыхает, словно читает мои мысли и знает, что на самом деле я так и собираюсь поступить.

– Поспи.

Она выходит, и в тот же момент я стаскиваю с себя одеяло.

Ноги покрыты огромными синяками, живот коричневый, будто я загорала в открытом неровном купальнике. Я выдыхаю и с трудом встаю. Голова сразу начинает кружиться, но я хватаюсь рукой за полку. Мне не привыкать к боли. Медленно иду к выходу из палаты и вижу двух бабушек: они сидят на скамейке и внимательно наблюдают за моими движениями.

– Здравствуйте, – бросаю я и прохожу по коридору.

Они шепчутся и обмениваются взглядами, но я не обращаю внимания.

Наверное, сейчас вечер – людей мало. Правда, запах стоит такой же отвратительный: тяжёлый, гадкий, старый.

– Куда ты? – спрашивает медсестра. Она появляется неожиданно, и я отпрыгиваю в сторону. – Разве тебе можно выходить?

– Я в туалет. – Если это знакомая мамы, мне не поздоровится. – Мне нужно в туалет.

– Подожди врача.

– Я не могу ждать, – театрально сгибаюсь. – Мне правда очень нужно!

На самом деле мне необходимо пройтись, но женщине необязательно знать об этом.

– Я провожу её, – внезапно раздаётся женский голос, и я вижу Киру. Она стоит в очках и белом халате, с завязанными в конский хвост золотистыми волосами. Я выпрямляюсь и еле сдерживаю смех.

– А ты кто? – Медсестра вскидывает брови. – Раньше я тебя не видела.

– Я интерн. Новенькая.

– Неужели?

– Да, и раз тут нужна моя помощь... – Кира подходит ко мне, берет под локоть и сдвигает с места.

– Ты что здесь делаешь? – Я говорю с таким диким восторгом, что наверняка мои глаза светятся от счастья. – Откуда халат и очки?

– Не спрашивай. Ты не представляешь, как сложно было к тебе пробраться. Та мымра всё ещё пялится.

– Чёрт с ней. Лучше объясни мне, что происходит?

– Ничего особенного, – Кира открывает мне дверь, и мы проходим в туалет. Здесь воняет ещё хуже, чем в коридоре, и она прикрывает нос рукой. – Твою мать, разве в больницах не должно быть туалетов, после которых человека не нужно откачивать?

Я хочу ответить что-то едкое и смешное, но неожиданно примерзаю к полу.

Мое отражение.

– О, господи! – Я почти ору. Резко подскакиваю к зеркалу, и плевать на боль, ушибы и отёки. Моё лицо в порезах. Оно похоже на один сплошной синяк, и меня тошнит от страха. – Господи!

Я начинаю мять руками кожу, в надежде, что сейчас уберу пальцы, и лицо станет прежним. Но ничего не выходит.

– Лия.

– Твою мать, Кира! Что со мной?

– Успокойся, – девушка подходит и берет меня за руки. – Не трогай, сделаешь хуже.

– Отпусти! – Я вырываюсь и вновь касаюсь пальцами лица. – Боже мой.

– Так, сейчас же посмотри на меня.

– А вдруг это не пройдет? Вдруг останутся шрамы? – Я сглатываю и вспоминаю рану на лице предводителя стаи. Господи, я не смогу с этим жить. – У меня такое лицо, словно я побывала на скотобойне!

– Детка, а чего ты хотела? Ты вылетела через лобовое стекло и думала остаться целой и невредимой? Это ещё цветочки.

– Кира, я омерзительна!

– Не набивая себе цену! – Девушка становится рядом со мной. Мы смотрим на наши отражения, и я горю желанием разбить зеркало к чёртовой матери. Кира такая красивая, высокая, у неё широкие скулы и ровные брови, а я – гигантский отёк. – Синяки скоро заживут, раны затянутся. Так что не паникуй.

– Не паниковать? Не смей меня! Если бы я умерла, мой труп не опознали бы.

– Я бы опознала.

– Неужели? И каким образом?

– Пощекотала бы тебя.

Такой ответ застаёт меня врасплох. Я недоуменно поворачиваюсь лицом к Кире.

– И что?

– Как что? – Девушка улыбается и закатывает глаза к потолку. – Ты отреагировала бы и начала хихикать. А твой смех невозможно перепутать ни с чьим другим.

– Но я же умерла!

– Лия, ты же бессмертная задница! Ты не умерла бы.

Неожиданно смеюсь. Искренне смеюсь. Болят рёбра, спина, ноги, а я смеюсь так долго, что забываю о боли, как по волшебству.

– Так-то лучше, – заключает девушка и снимает очки. – В них жутко неудобно.

– Ну что теперь мне скажешь? Что ты делаешь в больнице?

– По-моему, догадаться просто. – Я выгибаю бровь, и Кира отвечает: – Я пришла навещать тебя. Все волновались.

– Все? – недоуменно переспрашиваю я.

– Естественно. Ты же теперь член стаи. А мы своих в обиду не даем.

– Неужели? Ходить после аварии почему-то гораздо легче, чем после того, как меня избил Максим.

– Стечение обстоятельств. На самом деле, это банальное везение.

– Мне повезло?

– Шрам и я думаем, что авария подстроена. Так что ты вновь легко отделалась.

– Что? – Я ошеломлённо отступаю назад и сталкиваюсь с туалетной кабинкой. – Что ты сказала?

– Подожди. Мы лишь рассматриваем и такой вариант.

– Но кто и зачем это сделал? – удивлённо спрашиваю я. – Какой прок в моей смерти? Или в смерти Астахова?

– Прок есть. – Кира тяжело выдыхает и подходит ближе. – Давай сделаем так: ты благополучно отсиживаешься в больнице ближайшие две недели, никуда не лезешь, лечишься и принимаешь всю дребедень, которую тебе прописали, а потом, когда здоровая выйдешь, я расскажу тебе всё, что знаю. Договорились?

– Но почему не сейчас?

– Во-первых, потому, что у меня слишком мало фактов – одни предположения.

– А во-вторых?

– А во-вторых, с тебя и так хватит потрясений.

– Очень смешно, – саркастически отвечаю я и прижимаю руку к груди. – Твои слова опасны, Кира. Подстроить автомобильную аварию – преступление.

– Понятно, что не чаепитие. Думаешь, мы не понимаем, насколько всё серьёзно?

– Надеюсь, понимаете.

– Всё не так просто, как кажется. У меня нет доказательств, но я чувствую, дело нечисто. – Блондинка выдыхает и откидывает хвост за спину. – Лёша водит всего год, и, конечно, вашу аварию можно списать на его невнимательность, но мы-то с тобой знаем, что Астахов – самый серьёзный человек на земле. Чтобы он плохо вёл? Не заметил впереди машину или человека? Не смешите меня!

– Откуда ты так хорошо его знаешь? Вы ведь не общаетесь в школе.

– Не задавай лишних вопросов.

– Кира, хотя бы на это ты мне можешь ответить?

В моём голосе столько горечи, что девушка неуверенно прикусывает губу.

– Хорошо. Я и Лёша были друзьями.

– Ха! Неужели. И когда вы успели?

Кира не говорит ни слова, а мне становится не по себе.

– Конечно, – шёпотом протягиваю я и обхватываю себя руками. – Вы познакомились год назад, но я забыла об этом. Забыла, потому что потеряла память. – Я отхожу от блондинки. – Логичный вывод. И почему я раньше не додумалась?

– Лия, это ничего не меняет. Знала я Астахова или нет, сейчас ты не должна высываться из больницы, ясно?

– Почему вы не сказали мне, что знаете друг друга?

– А зачем?

– Как это зачем? – Меня начинает колотить. Она задает глупые вопросы, и я злюсь: на неё, на Лёшу, на себя. – Я хожу по улицам будто слепая. Вероятно, мимо проходят знакомые, возможно друзья, но я не замечаю. Знаешь, почему? Потому что я их забыла! И сейчас любая информация, любые сведения очень важны для меня. Мелочи помогут мне восстановиться, всё вспомнить. А вы скрываете от меня такие простые и банальные вещи.

На последнем слове я срываюсь и чувствую дикую боль в пояснице. Резко сгибаюсь, чувствую головокружение и неуклюже кренюсь набок.

– Лия...

– Не трогай меня. Вы только притворяетесь друзьями. На самом деле ты, Лёша, мои родители – все обманщики, которые и не думают рассказывать мне правду.

– Перестань. Позволь мне помочь.

Кира тянет руки, но я не даю ей притронуться к себе. Она лгунья, как все остальные.

– Уходи.

– Приди в себя, Лия, – командует блондинка и всё-таки кладет свои худые руки мне на плечи. Правое плечо обдает жаром. – Твоя истерика не решит проблему. Ответы не свалятся с неба, придётся их поискать.

– Зачем искать то, что находится под носом?

– Ты многого не видишь. Дело не в том, что ты слепая, а в том, что ты не хочешь замечать.

– Тебе не понять меня.

– Я всегда понимала тебя так, как не понимал никто другой, – уверенно говорит Кира и слегка встряхивает меня за плечи, чтобы я перестала сопротивляться. – У тебя есть союзники, и ты можешь мне доверять.

– Могу?

– Мне – можешь.

– Но почему? Что ты такого сделала, чтобы я тебе доверяла?

– Твои вопросы сведут тебя в могилу, – саркастично отрезает блондинка и кивает в сторону двери: – Пора возвращаться в палату, иначе твоя мама поднимет на ноги всю больницу.

– Если мои вопросы и сведут меня в могилу, то потому, что никто не собирается на них отвечать.

– Всеу своё время. – Кира обнимает меня за талию, открывает дверь, и мы выходим в коридор. – Не торопись, иначе упустишь что-нибудь важное.

– Я и так упустила всё, что у меня было. – Я опираюсь на девушку, потому что ноги предательски заплетаются. – Мне нечего терять.

– Не говори так.

– А как мне говорить?

– Не знаю. Но только не дави на жалость. Это не твой конёк.

– Я не давлю на жалость! – горячо восклицаю я, хочу отстраниться, но не получается. Тело слабое и тяжёлое, мышцы наливаются свинцом. Я начинаю моргать и боюсь упасть от усталости, но в то же время стараюсь сохранить равновесие. – Противно, когда на меня смотрят с жалостью. Но неужели желание узнать правду расценивается как повод нарваться на нежности?

– Хочешь узнать правду – узнавай. Но не надо говорить, что тебе нечего терять и что ты бедная страдальца.

Кира открывает дверь в палату и первая проходит внутрь. Затем она выглядывает и подзывает меня:

– Пусто. Твоя мама ещё не вернулась.

– Две недели в больнице сведут меня с ума. Терпеть не могу это место!

– Придётся себя пересилить.

– Но какая разница, лечиться дома или здесь?

– Тут за тобой присмотрят, а дома ты уязвима.

Я усмехаюсь и медленно сажусь на кровать. Голова кружится так сильно, что я перестаю ориентироваться в пространстве.

– Уязвима? Мы играем в мафию?

– Лия...

– Сама себя послушай, – перебиваю я. – Ты говоришь так, словно мы ввязались во что-то настолько серьёзное, что и дома уже небезопасно.

– Так и есть. – Кира помогает мне лечь, не обращая внимания на то, как я корчусь, и на мою благодарность. – Восстанавливайся, набирайся сил, а затем мы попытаемся разобраться в проблемах. Сейчас от тебя мало толку.

– От меня не может быть мало толку. Сильнее всего я повредила плечо, а не голову.

– Это может измениться в любой момент. – Блондинка подходит к двери. Она опять надевает очки и тяжело выдыхает. – Сделай так, как я прошу: не высовывайся.

– А ты мне что?

Кира смеётся и открывает дверь.

– Шутишь? Возможно, мы встретимся гораздо раньше.

– Подожди. – Девушка оборачивается, и я прикусываю губу. – После того как мы попали в аварию, Лёша звал Стаса. Кажется, это настоящее имя Шрама, так?

– Астахов? Звал Стаса? Не может быть.

– Но я слышала.

– Наверное, тебе показалось.

– Кира, я ударила головой, но не сошла с ума. Лёша звал Стаса, искал его, а потом, когда понял, что тот не придёт, схватил меня на руки и понёс куда-то.

– Лия...

– Не перебивай. Я помню, как мы бежали, долго бежали...

– Лия!

– Что?

– Это невозможно. – Блондинка озадаченно смотрит на меня. Подумав, она закрывает дверь, подходит ко мне и садится рядом. – Может, тебе это приснилось?

– Вряд ли. Я отчётливо помню голос Астахова: он просил держаться, не засыпать. Правда, тембр был другим. Я даже удивилась. – Сглотнув, я продолжаю: – Затем мы бежали. Бежали так быстро и долго, что у меня голова раскалывалась на части. А потом...

– Лия, подожди, – Кира вновь перебивает меня. – Лёша не мог этого сделать.

– Почему?

– Как почему? – Девушка усмехается. – Он повредил колено. Не сильно, конечно, но ходить не сможет несколько дней.

– Что? – Я замираю.

– Астахова вытащили из автомобиля прохожие. Он не смог самостоятельно выбраться с водительского сиденья. А тебя сразу забрала «Скорая помощь». Один мужчина нашел в твоей сумке паспорт, медицинскую карточку и полис. Так узнали твою фамилию, а потом позвонили родителям. В больнице тебя отправили в нейрохирургическое отделение.

Я хмурюсь и начинаю прокручивать в голове воспоминания. Я отчётливо помнила запах мяты и этот голос. Но если он принадлежит не Астахову, тогда кому?

– Не может быть. – Раздраженно смотрю на Киру. – Я не сошла с ума, кто-то подходил ко мне! Кто-то пытался спасти меня, и я... я не шизофреничка.

– Успокойся.

– Что за чертовщина? Откуда у меня эти воспоминания, эти отрывки памяти, если со мной ничего подобного не происходило?

Блондинка недолго думает. Внезапно её глаза округляются, и она резко хватается за руки. Мне больно, я хочу выдернуть их, но не могу двигаться. Взгляд Киры заворачивает. В нём нечто такое, что не позволяет мне нарушить пугающую идиллию.

– Бронская, – давно меня никто не называл по фамилии. – Ты начинаешь вспоминать!

– Что вспоминать?

– Как что? Свой прошлый год!

– Кира, это невозможно. Доктора сказали, у меня ретроградная амнезия. Зачастую воспоминания не возвращаются. Родителям предлагали попробовать электросудорожную терапию, но они отказались. Папа заявил, что не позволит ставить на мне опыты.

– Зачастую! – выдергивает из контекста девушка и улыбается. – Лия, зачастую!

– Прекрати! Ты не понимаешь. Воспоминания возвращаются в хронологическом порядке, начиная с самых старых. Но я увидела, как меня кто-то уносит на руках, когда я

пробила голову. Получается, воспоминания возвращаются ко мне в обратном порядке, что невозможно с точки зрения науки. А это значит...

– О, замолчи! – восклицает блондинка, и я вижу на её лице такую искреннюю улыбку, что мне становится не по себе. Кира счастлива, но какое ей дело? – Неужели ты не понимаешь, что, повредив голову ещё раз, дала толчок воспоминаниям! Я видела нечто похожее в каком-то фильме...

– Не говори глупостей. Сравнить жизнь и кино смешно и наивно.

– Но ты ведь чувствуешь то же, что и я. Ясное дело, пытаешься рассуждать здраво, с медицинской точки зрения. Но, Лия, ты сдвинулась с мёртвой точки. Ты возвращаешься!

Неожиданно дверь в палату открывается. Я испуганно замираю, а Кира, выпустив мои руки, выпрямляется. Входят родители. Мама удивлённо останавливается, увидев в палате гостью, а папа, наоборот, не меняя скорости, обходит Киру, кровать и оказывается с противоположной от неё стороны.

– И что ты здесь делаешь? – спрашивает он, закатывая рукава халата. – Посещения строго запрещены.

– Я должна была увидеть её, Андрей Александрович.

– Увидела? Теперь можешь уходить.

– Да, конечно. – Кира направляется к выходу. Перед дверью она останавливается. – Я ещё приду к тебе.

– Кира, – холодно отрезает моя мама и скрещивает руки на груди. – Тебе пора.

– До свидания, Вероника Николаевна. До свидания, Андрей Александрович.

Дверь закрывается, а я не могу дышать. В голове что-то взрывается, я плыву, летаю, падаю. Сначала мне кажется, что я и правда сошла с ума. Мне мерещится космос, невесомость, пелена перед глазами. Но потом я осознаю, что не вижу отчётливо из-за слёз, которыми наполнились глаза. Мне становится душно. Перепады настроения жутко пугают. Я ещё не отошла от шока – ведь только что вспомнила один момент из прошлой жизни, и вдруг оказалось, что моя прошлая жизнь никогда меня не покидала. Её просто надёжно скрывали.

– Вы знакомы? – Я произношу это так тихо, что меня трудно услышать. Смотрю на маму и чувствую, как жаром обдаёт лицо. – Вы знаете Киру?

– Тебе нужно поспать, Лия, – безучастно бросает она и отводит глаза в сторону. Тогда я поворачиваюсь к папе. Он наливает в стакан воды и готовит таблетки. На меня даже не смотрит.

– Пап, – ноль реакции. – Пап! – требовательней повторяю я.

– Давай поговорим после того, как ты поспишь, – предлагает он, протягивает стакан, но я качаю головой и отодвигаюсь.

– Нет! Хочу услышать ответ сейчас.

– Лия.

– Вы меня обманывали, – мне становится больно. Где-то в груди появляется новая рана, но теперь душевная. – Вы скрывали от меня важное и ценное. Я столько месяцев жила с пустотой и страхом одиночества, а сейчас оказывается, что это было бессмысленным.

– Лия, – начинает мама. – Тебе нельзя общаться с этой девушкой, с Кирой. Серьёзно. Послушай меня: ничего хорошего она тебе не сделает и не скажет.

– Мы ведь были подругами, так? – Такое чувство, что меня накачали наркотиками. Я потерялась в пространстве, но продолжаю трезво мыслить. – Поэтому она помогает мне, поэтому мы с ней быстро нашли общий язык.

– Так, Лия, – папа садится рядом и недовольно поджимает губы. – Мы твои родители, а значит, ты должна нас слушать.

– Неужели?

Я встречаюсь с его грозным взглядом и затихаю. Боюсь, что он ударит меня, хотя прекрасно знаю, что он никогда этого не сделает.

– Мама сказала тебе больше с ней не общаться. Значит, ты больше с ней не общаешься. Ещё вопросы?

– Но это нечестно! Почему я должна рвать отношения с человеком, который может дать мне ответы?

– Ответы на что? – громче спрашивает он. – Разве мы не разговаривали об этом? Ты была хорошим ребёнком, никуда не ввязывалась, нигде не шлялась. Училась, помогала нам, подрабатывала.

– Зачем ты лжёшь мне в лицо? Неужели у тебя нет ко мне ни капли уважения?

– Тема закрыта!

– Но, папа...

– Поднимешь её ещё раз, и мы будем разговаривать по-другому, поняла?

Мне становится страшно. Я давно не видела отца таким злым и недовольным. Он напряжён, и я чувствую его ярость, чувствую, что он готов разорвать меня в клочья.

– Это несправедливо, – тихо шепчу я и смахиваю слёзы со щеки. – Вы же знаете, что не можете скрывать от меня правду.

– Тема закрыта, – повторяет папа, и я слышу, как расстроенно выдыхает мама. Она поворачивается ко мне спиной и выходит из палаты. – Пей. – Он протягивает мне стакан и таблетки. – Поспи. Тебе нужно отдохнуть.

Я обиженно делаю то, что мне велит отец, и отворачиваюсь. Не хочу его видеть.

Больше папа не говорит ни слова. Он встаёт и исчезает за порогом.

Глава 5. Такая любовь убьёт мир

Когда я просыпаюсь, вижу на тумбочке вазу с ромашками. Улыбаюсь и гадаю, кто мне их принёс. Два года назад я прочла «Язык цветов» Ванессы Диффенбах и узнала, что ромашка означает силу в трудные времена. С тех пор это мои любимые цветы, но знают об этом единицы.

Уже прошла неделя после аварии. Раны начинают заживать, лицо почти в норме, плечо перестало болеть, и вообще мне стало гораздо лучше. Но за пеленой счастливого выздоровления скрываются печаль, скука и одиночество. Кира больше не приходила. Астахов навещал меня всего один раз и то не нашёл сил поговорить: он винит в произошедшем себя и боится смотреть мне в глаза, что кажется безумно глупым. Но Лёшу не переубедить. Единственное, чему я рада, это тому, что он выздоровел и выбрался на свободу. Счастливчик!

Сегодня выходной. Больница пуста. Моя соседка по палате, Ларка, уехала с родителями домой, и мне не с кем поговорить даже о погоде. Я перечитала пару книг, прорешала сотню раз билеты по вождению и потеряла смысл в жизни. Неудивительно! Неделя в больнице – и его нет.

Осталось одно – мозговой штурм. Целую субботу я думала о том, что увидела, о своём воспоминании. Мне не даёт покоя незнакомый голос. Иногда снится, что я падаю, и меня подхватывают чьи-то руки. Я оборачиваюсь, но вижу лишь расплывчатый силуэт. И так каждый раз. Падение, загадочное спасение и тайное лицо незнакомца. Этот сон не даёт мне нормально отдохнуть. Мама считает, что бессонница – последствия ушиба головы, а я – что это последствие секретов, того, что от меня скрывают. Мнения разные, но исход, к сожалению, один.

Сегодня воскресенье, и я решаю рискнуть, иначе к вечеру меня найдут задуманной костлявыми руками тоски или одиночества. Надев свитер, который мама оставила на случай, если я замёрзну ночью, выхожу из палаты. Коридор пуст. Я пытаюсь двигаться быстро, но получается так себе. Осмотревшись, я глубоко вдыхаю и удивляюсь своему безумию. Неужели я способна на такое?

Я пробегаю мимо регистрационного стола и поворачиваю за угол.

Видимо, способна.

Итак, я спускаюсь на первый этаж. Тут людей побольше, но они не обращают на меня внимания. В свитере я похожа на обычного посетителя, а не на больного. Осталась одна проблема: на улице холодно, а у меня нет верхней одежды. Плевать! Кто сказал, что побег – это легко?

Прохожу мимо охранника, слегка опустив подбородок, чтобы он не заметил синяки на лице, и выбираюсь на свободу. Двери позади, как и больница. Свежий воздух врежется в лицо, будоражит кровь, и я закрываю глаза, чтобы им насладиться. Я так рада, что сегодня родители работают во вторую смену, что меня никто не заметил и что я выбралась. Обхватив себя руками, я открываю глаза и только сейчас понимаю, что мне некуда идти. Радостный огонь быстро угасает. Наверное, его потушил холод, который наглыми порывами ветра врежется в спину, ноги и живот.

На самом деле у меня есть Астахов, его дом и добрые родители. Они примут меня, я уверена. Можно позвонить ему, попросить приехать на автобусе и забрать меня подальше от этого места. Потом вернуться в больницу, как ни в чем не бывало, и сделать вид, что я не выходила на свободу. Почему нет? По выходным лекарства не раздают, докторов отпускают. На моём этаже всего две медсестры, и им наверняка плевать на всех, кто остался в отделении. Так что план вполне реальный и безобидный.

Я неуверенно киваю и иду в сторону супермаркета. Там должен быть телефон. Как назло, родители лишили меня и сотового, и ноутбука, и планшета. Сказали, что вредно держать такие вещи в больнице. Но я-то прекрасно понимаю, что это попытка оградить меня от внешнего мира. Вдруг я захочу связаться с Кирой? Она ведь злая и плохая девочка, нехорошо на меня повлияет, подаст неправильный пример.

Смешно, честное слово!

Когда я дохожу до магазина, у меня сводит руки. Пальцы отказываются двигаться, краснеют, немеют. Я засовываю ладони под свитер, надеясь набрать номер Астахова, сохранив конечности. Нелепая ситуация! Не думала, что когда-нибудь попаду в такую.

Я добираюсь до главного входа и неожиданно спотыкаюсь. Совершенно безобидное движение в бок приводит мой организм в хаос. Перед глазами темнеет, и я буквально вижу, как здание супермаркета переворачивается. Позже я понимаю, что это не дом прыгает вверх тормашками, а я падаю на асфальт. Руки автоматически выставляю вперед, наталкиваюсь на какую-то преграду и крепко зажмуриваюсь. Меня тошнит, словно я несколько минут крутилась на стуле. Мне плохо. Очень плохо. Жар обдаёт плечи и шею, я борюсь с приступом рвоты и одновременно пытаюсь не поникнуть на ледяной дороге. Почему-то только сейчас до меня доходит, что две недели в больнице были прописаны не без основания.

– Так, – я пытаюсь ровно дышать. Хочу открыть глаза, но почему-то не делаю этого. Сжимаю руки в кулаки и опираюсь головой об асфальт. Он холодный, становится немного легче. – Всё в порядке. – Мне жутко плохо. – Всё хорошо. – Совсем нехорошо.

– Эй? Что с тобой? – Я не сразу понимаю, что обращаются ко мне. Не двигаюсь и не отвечаю. Рядом возникает шум, и я чувствую чью-то горячую ладонь на плече. – Чужачка, ты как? – Нахожу в себе силы приподнять голову, раскрыть глаза и внезапно встречаюсь взглядом с Максимом. Он выглядит обеспокоенным, но я это отмечаю во вторую очередь. Сначала оцениваю его острые скулы, жгуче-чёрные волосы и тёмно-синие глаза. Кожа на щеках слегка красноватая. Наверное, он замёрз. – Лия?

Он называет меня по имени, и у меня внутри что-то взрывается. Горячая смесь обволакивает органы, заставляет ощутить приятное ноющее чувство. Опыневшая и размякшая, я чувствую действие таблеток, которые оставила мне ночью мама. Возможно ли, что они до сих пор влияют на мой организм?

– Ты меня не поднимешь? – тихо спрашиваю я, обессиленно улыбнувшись.

– Конечно.

Парень аккуратно обнимает меня за талию, и я повисаю в его руках, как маленький ребенок. Не хочется выглядеть слабой, но почему-то мне кажется, что сейчас я могу не притвориться.

– Что ты здесь делаешь, чужачка? Ты должна лежать в больнице.

– Я сбежала.

– Сбежала?

– Да. Меня безумно достала вонь, так что я не выдержала и сбежала.

– Очень умно, – причитает Макс. – Тебе ещё рано самостоятельно передвигаться. К тому же на улице небезопасно. Разве Кира не предупреждала тебя?

– Всё ты знаешь, – протягиваю я и откидываю назад голову. Должна признать, что находиться в руках этого парня не только приятно, но уже привычно.

– Я должен отнести тебя обратно.

– Нет!

– Да! Ты хочешь навредить себе ещё больше?

– Какое тебе дело?

– Так, пойдем. – Максим двигается в сторону больницы, и я начинаю раздражённо вилять ногами.

– Отпусти меня!

– И не подумаю. Если тебе неважна собственная жизнь, о ней позабочусь я.

– Прекрати! – выпаливаю я. – Какая разница, хорошо мне или плохо? Тебе-то что?

– Сделай одолжение, – улыбается он, а затем холодно отрезает: – Замолчи.

– Отпусти меня или я буду кричать! – Парень смеется. – Я серьезно.

– Чужачка, кому ты нужна? Кричи сколько влезет. Но людям плевать.

Недовольно сужаю глаза и вдруг замечаю, что мы почти дошли до больницы. В голове вертятся разные варианты, но ничто не поможет – не с этим человеком.

– Максим, пожалуйста.

– Просто молчи.

– Выслушай, – шепчу я. – Я не собираюсь убегать из больницы навсегда. Мне просто нужна передышка. Там ужасно скучно и воняет. Я ведь не сломала себе ноги и не повредила позвоночник. Мне можно ходить, двигаться. Так почему не сделать это на улице, где я хотя бы могу нормально дышать?

– Чужачка...

– Всего несколько часов – и я вернусь. Обещаю!

Парень неуверенно останавливается и смотрит на меня. Не знаю, что он видит, но неожиданно его взгляд смягчается:

– Хорошо.

– Хорошо?

– Да. Ты вправе сама решать, чего хочешь. – Его слова удивляют. Я послушно киваю и выдыхаю накопившийся в легких воздух. – Но...

– Так и знала! – бросаю я, перебив его. – Конечно, будут какие-то условия.

– Безусловно, – улыбается Макс. – Одна ты никуда не пойдёшь.

– Отлично. Я как раз собиралась позвонить своему другу.

– С ним ты тоже не пойдёшь.

– Это ещё почему?

– Потому что я так сказал. – Максим хитро сужает глаза. – Я тебя нашёл, позволяю тебе выйти на свободу, и я несу за это ответственность. К тому же приветствуются навыки первой медицинской помощи. Иными словами, с тобой пойду я, и только я.

– Очень смешно, – неохотно протягиваю я. – Ты шутишь?

– Нет. Я абсолютно серьезно.

– Господи, но зачем я тебе? Обуза на день – развлечение у золотой молодежи?

– Мне просто нечего делать.

– Так это от безысходности.

– Расценивай моё предложение как хочешь, – улыбается парень. – Итак, как человек знающий, я прекрасно понимаю, от чего бы ты сейчас не отказалась.

– И от чего же? От другой жизни?

– Нет. От еды, чужачка. От нормальной человеческой еды.

Хочу ответить что-нибудь едкое, но вдруг понимаю, что в этом нет смысла. Он прав. Я безумно проголодалась.

– Допустим, я согласна, – аккуратно протягиваю я.

– Допустим, я и так это знал.

– И куда мы пойдем?

– Даже не знаю. Судя по твоему виду, в ресторан нас не пустят. – Макс пристально глядит на меня, и я вдруг вспоминаю, что выгляжу отвратительно. Кроме того, что на мне спортивные штаны и растянутый старый свитер, я не мыла голову несколько дней и вместо лица гигантский синяк. Мне становится стыдно, и я отвожу глаза. – В кафе тоже...

– Прекрати, – рявкаю я.

- Не любишь правду?
- А ты любишь оскорблять людей?

Парень усмехается и начинает двигаться в противоположную от больницы сторону.

– Не беспокойся, чужачка, – ласково произносит он, и я непроизвольно поднимаю глаза, чтобы убедиться в искренности его интонации. – Ты прекрасно выглядишь.

– Ну да.

– Так и есть. Пара синяков тебя не портит. Поверь.

– С чего мне тебе верить?

– Я мужчина и могу отличить истинную красоту от поддельной.

– Неужели? – Я пытаюсь говорить непринуждённо, хотя его слова смутили меня и заставили покраснеть. – И как ты это делаешь?

– Давай я не буду раскрывать все свои секреты.

Парень хмыкает, а я замечаю в нескольких метрах от нас его машину.

– Не думала, что окажусь в автомобиле так скоро, – шепчу я.

Становится не по себе. Вспоминаю рыжее пятно, крик Лёши и невесомость. Закрываю глаза и встряхиваю волосами, надеясь избавиться от этих воспоминаний. Но они остаются. В голову вдруг приходит бредовая мысль: как я буду сдавать на права, если столбенею при виде машин?

Максим останавливается. Он колеблется, я это чувствую, хоть и не вижу его лица. Внезапно мне становится стыдно: я опять веду себя как трусиха. Хочется скрыть страх, но не получается. Организм реагирует отдельно от разума, и мне остается лишь надеяться на то, что сердцебиение чуть сбавит темп в ответ на мои мольбы и просьбы.

Но всё остается по-прежнему.

Неожиданно Макс проводит пальцами по моим скулам, медленно и нежно, и я ошеломлённо распахиваю глаза. Мне хочется что-нибудь сказать, но я молчу. Смотрю в тёмно-синие глаза парня и не могу шевельнуться. Он изучает моё лицо, шею и плечи. Его интерес привлекает. Парень аккуратно прикасается к моей ключице кончиками пальцев, поднимается к подбородку, останавливается на щеке. Создаётся впечатление, что он сканирует мою кожу, пробует её на вкус. А затем вдруг смотрит мне в глаза, и в этом взгляде столько волнения и жажды, что теперь я слышу биение своего сердца во всём теле, ощущаю его повсюду. Кажется, я способна не отрывать глаз от его синевы вечно. Ведь там столько уверенности и храбрости. Если бы Макс был моим другом, я смогла бы на него положиться, найти в нём опору и защиту.

Если бы Максим был моим.

– Я не позволю тебе пострадать, Лия, – шепчет он, и у меня пробегают мурашки по спине. Волоски на руках и шее поднимаются, электризуются, а дыхание становится тяжёлым. – Со мной ты в безопасности, слышишь? Со мной можешь ничего не бояться.

Наши лица очень близко. Я ощущаю его горячее дыхание, а он слышит, как я вздыхаю. На несколько секунд мне кажется, что движение вокруг остановилось, и сейчас вся жизнь сосредоточена в паре сантиметров между нами. Однако иллюзия покидает меня. Максим неожиданно отстраняется и растерянно выпускает меня из объятий.

– Так что, – он откашливается. – Так что можешь не волноваться.

Мне так много хочется ему сказать, но я не могу вымолвить и слова. Киваю и аккуратно сажусь на пассажирское сиденье, едва парень открывает дверь. Он обходит автомобиль, а я до сих пор ощущаю тепло его рук на лице и испытываю такую дикую неловкость, будто сделала нечто плохое и запретное.

Он садится за руль, я боюсь повернуться в его сторону. Вдруг он увидит мои красные щеки или заметит пот на лбу?

– Тебе холодно?

– Немного.

Он заводит машину и включает печку.

– Скажи, когда согреешься.

– Хорошо.

Дрожащими руками пристегиваюсь. Парень нажимает на газ, и меня впечатывает в сиденье так грубо, словно ударил неистовый поток ветра. Дыхание сбивается. Мы едем медленно, а мне кажется, что летим. Обеспокоенно гляжу по сторонам, пытаюсь наблюдать за проезжей частью, но бессмысленно. Меня до сих пор тошнит, перед глазами вертятся дома, деревья, люди, и я не могу сфокусироваться.

– Чужачка, ты как?

– Всё нормально. – Сглатываю и выдавливаю улыбку. – Разве не видно? Все отлично.

– Я вижу лишь панику. Успокойся. Я вожу уже пять лет. – Заметив мой удивлённый взгляд, он добавляет: – Из них три года – легально.

– Максим, всё хорошо.

– Поэтому ты сейчас порвёшь пальцами сиденье?

Я опускаю глаза, вижу свои руки и выпускаю громкий вздох. Ногти впились в чехол, словно одичавшие пиявки. Резко отпустив сиденье, я прижимаю ладони к коленям и откидываю голову назад.

– Прости, – трудно дышу. – Прости, я не хотела.

– Ничего страшного. Может, остановиться?

– Нет, не стоит.

– Если тебе плохо...

– Прекрати вести себя так, словно я инвалид и умру через несколько дней, – серьёзно говорю я и смотрю на парня. – Да, мне не по себе, но это не значит, что ты должен жалеть меня или испытывать сочувствие.

– Я просто не хочу, чтобы тебе стало хуже. Дело не в жалости, а в беспокойстве.

– А ты не беспокойся. Я ведь не настолько слабая, чтобы умереть от бешеной скорости сорок километров в час. Это, конечно, *очень и жутко* опасно. Но я переживу.

Максим усмехается и смотрит на меня как-то по-новому. Наконец я замечаю в его тёмно-синих глазах уважение. Мне это льстит. Ужасно льстит.

– И куда ты, чужачка, хочешь, чтобы мы поехали?

– Ты прав насчет моего внешнего вида, – признаюсь я и аккуратно стягиваю волосы в тугий хвост. – Выгляжу я так, словно только что восстала из мёртвых. Пугать людей в кафе не стоит, так что обойдёмся без еды.

– Я так не думаю.

– Не думаешь, что я плохо выгляжу или что стоит обойтись без еды?

– Оба варианта, – он подмигивает. – Я что-нибудь придумаю.

– И что же? – Макс паркуется и глушит двигатель. – Тут стоять нельзя, – умничаю я.

– Я ненадолго.

– Ты куда? – Вопрос повисает в воздухе. Максим выходит из машины, закрывает дверь и скрывается за поворотом. – Отлично!

Выдыхаю и оглядываюсь: в салоне чисто, я бы даже сказала пусто. На панели лежат диски, и я внимательно их изучаю: Nirvana, Radiohead, Би-2. Отмечаю, что вкус у парня отменный. Будь у меня машина, музыка в ней играла бы такая же. Неожиданно замечаю ещё один диск. Он лежит на панели со стороны водителя. Отстёгиваю ремень и аккуратно тянусь к нему. Диск не лицензионный. Наверняка подборка любимых треков. Я открываю коробку и вижу надпись: *Бесстрашному*.

Мной овладевает интерес. Убедившись, что Макса ещё нет, я вставляю диск в магнитола. Через пару секунд из колонок доносится музыка. Я застываю, вслушиваясь в ноты.

Мелодия кажется знакомой, но я не могу вспомнить, где её слышала. Напрягаюсь и чувствую лёгкое раздражение. Мне всегда трудно вспомнить подобные вещи, но, едва зазвучали слова, на меня снизошло озарение. В конце припева я очарованно повторяю за певицей:

– Такая любовь убьёт мир.

«Маша и Медведи». Задумчиво смотрю перед собой и не знаю, радоваться ли мне очередному восстановлению памяти. Такое чувство, что эта песня когда-то много значила для меня, но её грустные слова не позволяют ощутить вкус счастья.

Я недоуменно переключаю трек.

С первых же аккордов узнаю Земфиру. Переключаю. В затакте словосочетание *большие города*, и я уже знаю, что играет Би-2.

Такое времяпровождение очень меня увлекает. Мне нравится угадывать мелодии, в каком-то смысле восстанавливать воспоминания.

В предвкушении включаю дальше и неожиданно замираю. Почему-то воздух застревает в горле, а ладони мгновенно становятся мокрыми. Я делаю громче. Ещё громче. Начало песни гремит в машине, давит на меня со всех сторон, но я делаю ещё громче! Ещё! Внутри что-то растёт, пульсирует. Сердце неистово бьётся, отдает во всём теле, и я прикрываю рукой грудь: боюсь, что оно вот-вот выпрыгнет. Начинается куплет, но я до сих пор не могу понять, кто поёт. Слова странные: знакомые и чужие одновременно. Я напрягаюсь. Буквально слышу, как в голове вертятся мысли. Почему-то становится не по себе. Да и дышать трудно, и тело наливается свинцом. Я испуганно понимаю, что ощущаю себя загнанной в клетку. Эта машина – тюрьма, этот запах – прошлое, схватившее меня своими когтистыми лапами. Страх. Мне вдруг становится страшно. Я обхватываю себя руками и закрываю глаза. Что происходит?

– Хочешь оглохнуть? – В машине неожиданно появляется Максим, и я испуганно подпрыгиваю. Смеясь, он делает тише, и атмосфера безумства испаряется. Закрыв за собой дверь, парень протягивает мне бумажный пакет из «Макдоналдса»: – Ужин подан.

– Вообще-то обед, – дрожащим голосом подмечаю я и растерянно киваю: – Спасибо.

– Нашла мои диски?

– Они лежали на панели, я не удержалась и решила послушать.

– И как?

– Довольно-таки неплохо. – Мне ещё не по себе. – На диске, который я только что слушала, написано «бесстрашному». Это ты у нас бесстрашный?

– Да. Это прозвище мне дали в стае. Но я не люблю, когда меня так называют.

– Почему?

– Давай договоримся: вопросы только во время трапезы. – Парень откладывает свой пакет на заднее сиденье и заводит машину. – Предлагаю остановиться в парке, здесь меня в любой момент могут оштрафовать.

– Как скажешь. – Я с любопытством смотрю на Максима и замечаю татуировку на шее. Кобра. Хочется спросить, откуда она, но я сдерживаюсь.

На самом деле это первый человек, который отложил разговор на несколько минут, а не на несколько месяцев. Поэтому я прислушиваюсь к его словам и еду молча до парка. Когда мы приезжаем, Макс паркуется под огромным деревом, выключает ближний свет и глушит двигатель. Отодвинув своё сиденье чуть назад, он берёт пакет с едой и принимает положение полулежа. Я бы хотела сесть так же, но мне не позволяет больная спина. Выдохнув, я прижимаю ноги к себе и откидываю назад голову.

– Не думала, что проведу выходные в твоей компании, – признаюсь я. – Очень интересный исход дня.

– Я тоже так не думал, – отрезает парень и достает огромный гамбургер. – Но жизнь – вещь непредсказуемая.

– Сожалеешь?

– Это не тот случай, чтобы сожалеть.

– А какой должен быть случай?

– Два вопроса подряд, чужачка, – Максим жадно откусывает гамбургер и невнятно произносит: – Это не по правилам. Будем спрашивать по очереди.

– Ладно. – Открываю свой пакет и счастливо улыбаюсь. Картошка фри, чикенбургер, кусочки мяса. Голова идёт кругом. – Максим, ты мой герой.

– Я знал, что тебе понравится.

Я искренне улыбаюсь и пробую картошку: какое блаженство!

– Задавай вопрос, потому что я хочу задать свой. Ну же!

– Хорошо. – Парень хмурится, а затем протягивает: – Только давай договоримся: ответ не в два предложения, а полный.

– Договорились.

– Тогда вот мой вопрос: когда мы были под мостом, ты сказала, что не помнишь, как на твоём запястье появилась татуировка. Это следствие бурной вечеринки или что-то другое?

Я усмехаюсь.

– Вообще-то я потеряла память. – Гамбургер в руках парня застывает. – Прошлым летом упала с крыши пятиэтажного дома, а очнувшись, поняла, что не помню целый год. Врачи сказали, у меня амнезия.

– Прости. Я не знал. Наверное, с этим трудно смириться.

– Да уж. Я до сих пор не смирилась. – Почему-то меня не смутил его вопрос. Наоборот, стало легче, после того как я ответила. – Что ж, не всё в жизни так гладко, как хочется.

– Мне жаль.

– Разве мы разговариваем, чтобы пожалеть друг друга? Я ведь выжила, так что жалеть меня незачем.

– Ты права. Незачем.

Я киваю и увлечённо прикусываю губу. Хочется спросить о самом важном, но я начинаю издалека:

– Как ты попал в «стаю», и когда это произошло?

– Чуть больше года назад мы с братом наткнулись на группу подростков. Они развлекались прыгая с моста в реку. Полное безумие, – Максим улыбается. – Парни привязывали себя к железному бортику и ныряли в тридцатиметровую пропасть. На удивление, мне захотелось попробовать.

– Ты просто псих, – восклицаю я. – Это же опасно!

– Я стал Бесстрашным не потому что раздавал всем цветы, чужачка. Естественно, опасно, но разве меня это волновало? Я так полюбил развлечения подобного рода, что собрал с братом собственную компанию, где люди могли совершать безумные поступки и получать от этого удовольствие. А главное – получать удовольствие без последствий.

– 16 погибших подростков. Разве это не последствия? – осуждающе спрашиваю я.

– Ты ничего не знаешь. Так что прошу, не делай скоропалительных выводов.

– Подожди, – меня вдруг озаряет. – Ты сказал, собрал «стаю» с братом. Получается...

– Да, – Макс откусывает гамбургер и пожимает плечами: – Шрам, или, говоря человеческим языком, Стас, мой родной брат.

Я ошеломленно выдыхаю и только сейчас понимаю, насколько была слепа. Их внешнее сходство очевидно: острые скулы, прямой нос, чёрные, почти угольного цвета волосы, смугловатая кожа. Только глаза по цвету разные. Но я уверена, что, присмотревшись, нашла бы и в них что-то общее. Вероятно, меня ввела в заблуждение рана на лице предводителя: она изменила не только внешность парня, но и его внутренний облик. И все же как я могла так облажаться?

– Что ж, моя очередь. – Максим не ждёт, пока я приду в себя, спрашивает: – Почему тебя так интересует «стая»? В чём подвох?

– Подвоха нет. Я наткнулась на вас случайно, потому что хотела спасти сестру. – Я серьёзно смотрю на парня. – На самом деле, ваше сборище представлялось мне рассадником отморозков, которым плевать на свою жизнь и общепринятые правила. Вы делаете что хотите, когда хотите и где хотите. Я считаю это аморальным образом жизни. Точнее, я так считала. Но сейчас, – мне приходится придвинуться к Максиму, потому что произносимые слова являются страшной тайной: – Но сейчас я понимаю, что ошибалась. Моё мнение насчет того, что в ваших телах вместо крови течёт адреналин, – не изменилось, но я вижу что-то ещё, нечто такое, что жутко привлекает. И пока я не пойму, о чём речь, мне никуда от вас не деться.

Макс улыбается:

– Интересный ответ.

– Я хочу говорить честно, чтобы потом не было недопонимания. Скажи мне, «стая» основали ты и твой брат. Так почему бразды правления в его руках? Почему вы не командуете вместе? Возможно, тогда удалось бы избежать многих смертей и трагедий.

– Мне это не нужно.

– А Шраму нужно?

– Пойми, хоть мы и родные братья, у нас разные жизненные принципы. Я – участник, он – организатор. – Парень выдыхает. – Руководить должен один человек, и я рад, что не мне представилась эта возможность.

– Считаешь, из тебя вышел бы плохой предводитель?

– Я не знаю и даже не хочу об этом думать. Тебе кажется, что Стас – корень зла, что он – причина всех наших бед и несчастий. Но ты глубоко ошибаешься. Мой брат готов пожертвовать всем, что у него есть. Он не даст свою «стая» в обиду, я знаю это. Если бы у меня был выбор, я доверил бы свою жизнь именно ему, потому что... – Парень громко выдыхает: – Потому что это его призвание! Он так долго не мог найти себя, а сейчас, наконец, нашел. Стас – отличный предводитель и верный друг. Я уверен в нём, как в самом себе.

Я вспоминаю, как на перроне Шрам сдвигал подростков ближе к центру вокзала, как он предупреждал не терять голову во время испытания. Но это кажется такой мелочью по сравнению с тем, когда я просила его помочь освободить Карину из куба, а он стоял и бездействовал. Спорные чувства – и я не могу понять, в состоянии ли я доверить свою жизнь этому человеку так же спокойно, как Максим. Наверное, пока нет.

– Почему ты стояла на рельсах так долго? – неожиданно спрашивает парень, и я недоуменно пожимаю плечами.

В его глазах отражается грусть и какая-то безнадёга. Мне не понять этого взгляда. Только не сейчас. Может, чуть позже, но не сегодня.

Я не ожидала такого вопроса, поэтому я долго думаю, прежде чем ответить.

– Возможно, – колеблюсь, прикусив нижнюю губу. – Возможно, мне понравилось ощущать себя свободной.

– Но ты могла погибнуть.

– Я бы успела отпрыгнуть в сторону.

– Вряд ли, – Макс с горечью улыбается. – Ты должна чувствовать разницу между храбростью и безумством, чужачка. Глупость не поощряется. Большинство страдают именно потому, что приписывают себе слишком много.

– И это мне говорит человек, который прыгает с тридцатиметровой высоты в пропасть, вооружившись толстым канатом.

– Я серьёзно.

– Я тоже, – с вызовом восклицаю я. – Откуда твоя уверенность в себе? Если тебя прозвали бесстрашным, значит, ты совершил массу безумных поступков, не колеблясь и не дрожа. Чем я хуже?

– Ты ничего обо мне не знаешь. Нельзя перестать бояться. Каждый раз я понимаю, что могу не вернуться домой и сильно рискую, но на то у меня есть свои причины. Моя уверенность граничит с безысходностью и апатией. Я потерял вкус к жизни и теперь пытаюсь восстановить его, прыгая с обрыва, кидаясь под поезд и разгоняясь до двухсот километров в час. Адреналин спасает меня от смерти при жизни. Но зачем это тебе? Почему ты подвергаешь себя такой опасности? – Он недоуменно качается головой. – Кричишь на свою сестру, но делаешь то же самое.

– Тебе не понять.

– Это ты не понимаешь, Лия, – я поднимаю глаза на парня и чувствую как мне передаётся его волнение. – Не знаю, чего ты хочешь добиться, но это не стоит твоей жизни.

– Следующий вопрос, – раздражённо отрезаю я. – Итак...

– Мы ещё не закончили.

– Закончили. Я и так сказала тебе слишком много, теперь твоя очередь отвечать. – Парень громко выдыхает, а я задаю главный вопрос, который волнует меня больше всего: – Разумнее было бы спросить: страдаешь ли ты раздвоением личности? Но я не стану оскорблять тебя и поставлю вопрос по-другому: зачем сначала избивать меня, а потом спасать жизнь? Причём неоднократно.

– Чужачка, – протягивает Максим. – Это глупо.

– Ответь.

– Сама подумай.

– Макс, ты нарушаешь правила. Я задала вопрос – отвечай на него.

– Неужели это не очевидно? – Я качаю головой, и парень громко выдыхает: – Я помогаю тебе, потому что нахожусь в нужное время и в нужном месте.

– Что за чушь? – возмущаюсь я. – Хочешь сказать, ты побил меня, потому что находился в нужное время и в нужном месте? Это, как минимум, странно.

– Правила стаи просты – чужаков мы не терпим, а ты – чужая. У тебя не было вариантов, ты пострадала бы в любом случае. Правда, есть одно «но»: пострадать от гематомы на плече или от сломанных рёбер? – Глаза Максима становятся яркими, и я невольно засматриваюсь, осознавая, что даже в этом отвратительном поступке просвечивается нотка героизма. – Поединок с Костей, в лучшем случае, закончился бы переломом. Я сделал так, что ты смогла ходить на следующий день. Чувствуешь разницу?

– Но зачем ты помогаешь мне?

– Это уже следующий вопрос.

– Нет. Ты не сказал главного. Почему ты спасаешь меня? Какая в этом для тебя выгода?

– Лия, – Макс пожимает плечами. – Я не могу по-другому.

– Но почему?

– Потому что не могу!

Парень поправляет чёрные волосы и проводит рукой по кожаному рулю. Выдохнув, он поднимает голову, и вдруг наши взгляды встречаются. Готова поклясться, что он, как и я, чувствует электричество в воздухе. Возникает странное желание приблизиться к нему, согреться, и это желание не пугает меня, а придает сил и уверенности. Я уже второй раз замечаю тягу к Максиму и не могу отрицать, что она существует. Сердце делает сальто, когда парень поднимает руку и протягивает её в мою сторону. Кажется, он хочет дотронуться до меня, и я затаиваю дыхание. Не могу шевельнуться. Мой взгляд прикован к его тёмно-синим глазам, а они смотрят на мои губы, шею, лицо. Это сводит с ума и одновременно обезоруживает. Я забываю, как дышать. Его пальцам остаётся несколько сантиметров до

моей щеки, но я уже чувствую жар в том месте, где они коснутся лица, и покалывание на коже. Возникает мысль придвинуться чуть ближе, ведь тогда я, наконец, почувствую его прикосновение, но я быстро отбрасываю эту мысль. Мне не по силам даже моргнуть. И когда стук сердца становится таким громким, что его смог бы услышать и сам парень, Макс опускает руку. Я разочарованно выдыхаю и отвожу взгляд в сторону.

– Прости, – шепчет он и растерянно отодвигается. Запустив пальцы в густые волосы, Максим откидывает назад голову и вновь произносит: – Прости меня.

– Ничего.

– Нет, правда. Я не хотел.

Вновь поднимаю глаза на парня и чувствую пустоту внутри: он не хотел. Пытаюсь улыбнуться – не получается. Почему-то день резко переходит в вечер. Становится темно, мрачно и тихо.

– Мне пора в больницу, – сообщаю я и заворачиваю пакет с едой. – Отвези меня, пожалуйста.

– Да, конечно.

Он заводит машину, жмёт на газ и всё это время избегает встречаться со мной взглядом. Становится ещё неприятнее. Прикусив губу, я смотрю в окно и наблюдаю за тем, как деревья превращаются в дома, а река – в дорогу. Парк остаётся позади, и мы въезжаем в город с пылью вместо тумана и с дымом вместо облаков.

В салоне тепло, но мне холодно. Атмосфера непринужденности испаряется, остаётся лишь колючее недопонимание. От этого я чувствую себя неловко и даже смущаюсь, едва голова Макса на несколько градусов поворачивается в мою сторону.

– Ты знала, что «стая» перенесла инициацию на конец ноября? – внезапно прерывает тишину парень, и я благодарно выдыхаю. Ещё чуть-чуть – и я бы повесилась прямо на дверной ручке.

– Правда? Почему?

– Стасу не понравилось, что ты попала в аварию. Он не считает это обычным стечением обстоятельств.

– Это я уже слышала.

– В любом случае, я с ним согласен, – отрезает Макс. – Нам некуда спешить. Лучше разобраться сейчас, чем расплачиваться за упущенное потом.

– Вы так уверены, что аварию подстроили. Но люди ежедневно гибнут на дорогах, и в этом нет ничего сверхъестественного, – я пожимаю плечами. – Астахов просто не заметил на дороге человека. Кажется, человека. Если честно, я так и не поняла, кто или что возникло перед нами.

– Я предупреждал тебя: быть в «стае» опасно. У нас много проблем, с которыми не сталкиваются обычные люди.

– Например?

– Например, подстроенная авария.

– Но кому это нужно? – удивляюсь я. – И зачем?

– Трудно сказать, Лия. На другом конце города есть ещё одна компания. Сборище отмороженных, пытающихся доказать своё превосходство. Я считаю их причастными к данному происшествию.

– Думаешь, загвоздка в выяснении отношений?

– Очень может быть.

– Но ведь речь идёт о человеческих жизнях! – возмущённо восклицаю я. – Вы должны разобраться, иначе пострадает кто-нибудь ещё.

– Чужачка, – улыбается Максим, и я замечаю за поворотом больницу. – Мы именно этим и занимаемся.

Мне становится не по себе от того, что кто-то хочет моей смерти. Пробегает холодок по спине, и я вжимаюсь в сиденье, сцепив перед собой руки.

– Не волнуйся, – увидев беспокойство на моём лице, протягивает парень, сбавляет скорость и останавливается напротив здания госпиталя. – Ты в безопасности, если не будешь совать свой нос туда, куда не следует.

– По-моему, мы уже выяснили, что это моё любимое занятие.

– Тогда будь осторожна и не действуй сгоряча. Иногда поспешные выводы приводят к непоправимым последствиям.

Я киваю и громко выдыхаю.

– Что ж, – поправив волосы, улыбаюсь. – Спасибо, что вытащил меня из этой тюрьмы и позволил немного отдохнуть.

– Вытащила ты себя сама, я лишь вовремя оказался рядом.

– И далеко не в первый раз.

Наши взгляды снова встречаются, и опять хочется смотреть на Макса бесконечно долго. Но на этот раз я не позволяю эмоциям взять надо мной верх. Выхожу из машины.

– Лия. – Оборачиваюсь. Парень смотрит на меня и загадочно улыбается. Чего-то ждет, но чего? У меня внутренности сворачиваются в трубочку, я еле стою на ногах, пошатываюсь и неуклюже выравниваюсь. – Инициация перенесена на конец ноября, но это не значит, что «стая» перестанет собираться. Каждое третье воскресенье мы ходим в бар рядом с набережной. Ты приглашена.

– Уже смирился с тем, что я одна из вас? – Мой голос дрожит, но я надеюсь, он не заметил.

– С этим нельзя смириться. Ты всегда будешь чужачкой. – Я собираюсь ответить что-то колкое, но замечаю, как дёргается уголок его губ, и замираю, не в силах вымолвить ни слова. – Но, раз уж я решил стать твоим телохранителем, я должен находиться рядом. А рядом – это на расстоянии нескольких метров друг от друга. Не больше.

– Мне не нужен телохранитель. Я не такая слабая, как ты думаешь.

– Отлично. Значит, телохранитель нужен мне.

– Вот как, забавно, – внутри меня взрываются огромные шары с горячей жидкостью. Они ошпаривают органы, и мне становится так жарко и душно, что я мгновенно забываю о холоде. Почти не могу дышать, держусь лишь за счет сохранённого секундой назад кислорода. Это ощущение не покидает меня вплоть до момента, когда я заканчиваю фразу: – Тогда ещё встретимся.

– Не сомневаюсь.

Макс закрывает окно, и я отворачиваюсь. Не могу больше смотреть на него, просто нет сил. Бегу в больницу, прижимая к себе руки. Ладони вспотели. Вытираю их о штаны и громко выдыхаю. Слишком странно, слишком просто. Не бывает такого, что ты не знаешь человека, а потом внезапно перестаёшь дышать в его присутствии.

Я вхожу в больницу и на пороге сталкиваюсь с женщиной. Тело отвечает на удар и ноет, словно ребенок, которого разбудили. Мышцы шеи схватывает лёгкая судорога, и мне трудно шевелить головой. Прикусываю губу. Моргаю и пытаюсь взять себя в руки. Выпрямляюсь, насколько могу, иду мимо охранника и замечаю, что он выходит на середину прохода, чтобы преградить мне путь.

Сердце подпрыгивает.

– Куда направляемся? – Голос тяжёлый, прокуренный.

Я поднимаю глаза и замечаю седые усы, широкие брови и низко посаженные глаза. Сглатываю.

– Я иду в палату.

– Время для посещений закончилось полчаса назад.

– Вы меня не поняли. Я направляюсь к себе в палату. Выходила подышать.

– Неужели? – Охранник устало выдыхает. – Имя, фамилия.

– Лия Бронская.

– Так-так, – мужчина смотрит в толстую тетрадь и ведёт по колонке пальцем. – Есть такая. И почему ты выходила? Пациентам, которые лежат в твоём отделении, запрещается покидать территорию больницы.

– А мне разрешили.

– И кто же?

– Родители. Они здесь работают.

Неожиданно охранник усмехается и громко захлопывает тетрадь. Я вздрагиваю.

– Они об этом хотя бы догадываются? – Хочу ответить, но вместо этого устало выдыхаю. Конечно, они понятия не имеют, что я выходила. Начинает болеть голова. Я морщусь и вновь смотрю на мужчину.

– Пожалуйста, пропустите меня. Этот день был долгим. Я очень устала.

– И кто тебе виноват, что ты не отдыхала в палате?

– Чёрт, прошу вас. – Возможно, я унижаюсь, но сейчас меня это не волнует. Голова кружится, кружится и кружится. Наверное, так на мой организм действует запах лекарств и старой мебели, который встретил меня с распростёртыми объятиями на пороге. – Это больше не повторится. Я обещаю.

– Ты понимаешь, что я должен вызвать твоих родителей?

– Не надо. Они не поймут.

– Прости. – Охранник тянется рукой к рации, но я вдруг хватаю его за запястье. Он удивлённо вскидывает брови и замирает. Мне самой не по себе, поэтому я неуклюже разжимаю пальцы и испуганно выдыхаю.

– Пожалуйста. Прошу вас, не делайте этого. – У меня в запасе ещё несколько секунд, прежде чем он опять решит сообщить о моем побеге, и я выпаливаю: – Ко мне приезжал мой парень. Родители не одобряют его, и на этой почве мы сильно ссоримся. Поймите, если они узнают, что он приезжал навестить меня, нам больше не разрешат видеться! Умоляю, мне не выдержать этого!

О да! Актриса из меня прекрасная. Врать я всегда умела, но это что-то новенькое.

Охранник цокает и недовольно складывает на груди руки.

– А мне от этого что? Девушка, есть определённые правила и...

– Прошу вас! – перебиваю я и пытаюсь сделать жалостливый вид. – Пожалуйста. Я больше никуда не уйду. Только позвольте мне вернуться в палату. Мама скоро придёт на работу и захочет меня навестить. Если меня там не будет...

– О, боги, – хрипя, протягивает мужчина и внезапно раскидывает руки в стороны. – Чтобы больше не попадалась мне на глаза, ясно?

Я киваю и благодарно улыбаюсь:

– Спасибо вам большое.

– Иди уже! – Он переминается с ноги на ногу и бормочет: – Молодёжь.

– Спасибо, – вновь шепчу я и срываюсь с места.

Надо идти как можно быстрее, пока он не передумал, но головная боль перерастает в нечто большее. Я чувствую, как немеют ноги, вижу, как темнеет перед глазами, и неуклюже притормаживаю. Недоуменно придавливаю рукой живот. Мне плохо. Может, так подействовал свежий воздух?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.